

«Чем только не служила Рига в своей истории. Она была и окном в Европу, и западной витриной Советского Союза. А теперь вот она служит зеркалом. Глядясь в это зеркало, русский человек видит собственную мечту или собственные страхи».

РИГА

Ближний Запад, или Правда и мифы о русской Европе

ГОРОД, КОТОРЫЙ
ЛЮБЯТ ПРОСТЫЕ
АНГЛИЙСКИЕ
ПАРНИ И
НЕПРОСТЫЕ
РОССИЙСКИЕ
МИЛЛИОНЕРЫ

КАЧЕСТВО
ВКУСНЕЙШЕЙ
ЕДЫ В ЛАКОНИЧНОЙ
ЭЛЕГАНТНОЙ
ПОДАЧЕ

РУССКАЯ
ЕВРОПА
НА ПОЛПУТИ
К ЗАПАДНОЙ

ЭКЗОТИКА БЛИЖНЕГО
ЗАРУБЕЖЬЯ.

ЧТО ПРАЗДНУЕТ
РИГА И ПОЧЕМУ
ЗАВЛЕКАЕТ
ГОСТЕЙ

Алексей Геннадьевич Евдокимов
Рига. Ближний Запад, или Правда
и мифы о русской Европе
Серия «Город мечты. Традиции и образ жизни
людей самых популярных городов мира»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12929166

Рига. Ближний Запад, или Правда и мифы о русской Европе / Алексей Евдокимов: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-84369-5

Аннотация

Эта книга будет полезна и тем, кто собирается в Ригу впервые, и тем, кто часто в ней бывает, любит ее и хорошо знает. А также тем, кто подумывает о приобретении недвижимости в самом «русском» государстве Евросоюза, о получении европейского вида на жительство, о ведении бизнеса в стране Еврозоны, где при этом всегда можно объясниться по-русски. Советы, куда сходить, что съесть и чем запить в ходе недолгого визита в латвийскую столицу. Рассказ о том, чем отличаются курортные побережья близ Риги, — для тех, кто захочет провести в Латвии лето. Подробности о состоянии рынка латвийской недвижимости и о том, как получить вид на жительство в Евросоюзе, приобретая жилье в Риге или Юрмале. Все это и многое другое — в книге, сочетающей практическую полезность путеводителя и познавательную ценность страноведческого эссе.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1. Западная витрина, витрина Запада. Смысл Риги	4
Зеркальная маска	4
Русская столица Европейского союза	5
Карманный Запад	6
Запад по карману	7
Чемодан – вокзал – Рига	8
Глава 2. Два в одном. Особенность Риги	10
Two towers: памятник против памятника, память против памяти	12
Кто вы, доктор Зло?	13
Паспорт инопланетного монстра	15
У кого больше, тот и пан	16
На войне как на войне	17
Незлые улицы	19
Глава 3. Восемьсот лет между. История Риги	21
Окно Европы	21
Переходящий приз	22
Вавилон на Балтике	24
Многофункциональные стрелки	25
С первой попытки	27
Буферный рай	27
Пока немцы не высадились	28
Остланд	30
Дом на углу	32
Баррикады и бюрократы	34
История с топографией	36
Глава 4. Минус дает плюс. Устройство Риги	39
Ориентация на местности	39
Транспорт	40
Меньше народу – больше кислороду	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Евдокимов

Рига. Ближний Запад, или Правда и мифы о русской Европе

Часть первая Код города

Глава 1. Западная витрина, витрина Запада. Смысл Риги

Зеркальная маска

Когда я садился за эту книгу, мне практически одновременно рассказали две истории, прямо связанные с ее темой. Обе пустячные, но очень характерные, отражающие восприятие Риги разными категориями россиян.

Первая история – про ответственного сотрудника известного русского интернет-издания, которое, сменив название, недавно перебралось в латвийскую столицу из столицы российской (там у него, как утверждают сами журналисты, возникли проблемы политического свойства). Этот небедный вчерашний москвич поделился в Фейсбуке впечатлениями о «новой родине». Пост был почти восхищенный: автор любовался барочными шпилями из окна своей новой пятикомнатной квартиры в центре Риги, радовался крайней дешевизне – по сравнению с Москвой – рижского жилья, продуктов и услуг, хвалил вежливый европейский сервис, устройство латвийской жизни, констатировал отсутствие дорожных пробок. Резюме его звучало примерно так: «Цивилизованно, как в Норвегии, только раз в пять дешевле. Да еще и по-русски все понимают». Интернет-деятель призывал френдов следовать его примеру и ехать в Ригу.

Вторая история – про простого московского бомбилу, небогатого и безвестного: он чуть ли не в тот же день поделился своим мнением о Риге. Моя знакомая села к нему в машину, возвращаясь домой с Рижского вокзала. Узнав, что пассажирка только что опоздала на поезд в латвийскую столицу, он даже обрадовался. «Ну и хорошо! – зло отрезал водитель. – Нечего в этой Риге делать. Там же фашисты по улицам ходят. Русских людей притесняют. И министры у них – геи (бомбила употребил, естественно, другое слово с тем же смыслом). Подальше надо держаться от этой Риги».

Чем только не служила Рига в своей истории – во всяком случае за последние три века, когда ее история была неотделима от истории России. Она была и окном в Европу, и западной витриной Советского Союза. А теперь вот она служит зеркалом. Глядясь в это зеркало, русский человек видит собственную мечту или собственные страхи.

Тут по всем законам жанра следовало бы написать, что обе лубочные картинки – и та, на которой дешевая Норвегия, и та, на которой ветераны легиона СС, – обманчивы, что на самом деле все совсем иначе. Но писать так я не стану, потому что и то, и другое – пусть и с оговорками, но сущая правда. Хотя, разумеется, и не вся правда.

Причем не имеет особенного значения тот факт, что восхищающийся Ригой интернет-чик в столице Латвии живет, а пугающий Ригой водила вряд ли в ней когда-нибудь бывал.

Такова особенность латвийской столицы: даже прожив на берегах Даугавы всю жизнь, легко обнаружить вдруг, что с другими коренными рижанами ты живешь словно бы в разных городах.

Вот элегантная североевропейская столица, второй Стокгольм на противоположной стороне Балтики, какой, вероятно, видится Рига молодому латышскому хипстеру, завсегда-таю модных баров, не говорящему по-русски. А вот сумрачное скопище типичных и типовых советских жилмассивов, что наблюдают в окно полунищие здешние пенсионеры и хронические безработные, мало отличающиеся от таких же горемык в Верхней Инте или Нижней Тавде. Вроде бы – два совершенно непохожих города в двух совершенно чуждых не странах даже – мирах. Главный же парадокс в том, что вид из окна у хипстера и у пенсионера может быть одинаковый. Но воспринимается он абсолютно по-разному.

Уловить подлинную суть Риги не проще, чем поймать того преступника из французского кинодетектива, что носил зеркальную маску – и любой, кто смотрел ему в лицо, видел себя самого.

Представитель московского среднего класса, приехавший в латвийскую столицу с женой и ребенком отдохнуть от пробок на Садовом кольце, от выбросов нефтеперерабатывающего завода в Капотне и от ритма жизни огромного мегаполиса, видит в Риге оазис буржуазного уюта, европейского комфорта и вообще истинный Запад. Британский пролетарий, прибывший сюда за тридцать фунтов авиакомпанией-дискаунтером, попадает в развеселое злчное место, где рекой льется дешевое пиво, девушки общительны и невзыскательны, – короче, на настоящий постсоветский Восток. Немецкий или финский пенсионер, сошедший с борта многопалубного круизного лайнера, которые столь часто заходят в рижский порт, гуляет по какому-то третьему городу, не очень-то похожему на два предыдущих.

Так какой из городов – настоящая Рига? Все вместе. И одновременно – ни один.

Русская столица Европейского союза

Когда в 1991 году Латвия во второй раз в своей истории стала независимой (Первая республика просуществовала тут с 1918#го по 1940#й), новая власть взялась постепенно приводить государственную столицу в соответствие с официальной идеологией и чаяниями титульной нации. Идеал был прост и понятен – в Риге не должно было остаться никаких следов последних 50 лет, проведенных в составе СССР. Словно вслед за летом 1940 года сразу наступила осень 1991#го. Конечно, идеал по определению недостижим, но он указывает направление приложения усилий.

Нельзя сказать, что усилия не дали результата. Во всяком случае, в историческом центре Риги давно нет ничего характерно русского или советского: ни букв, ни фасадов, ни «Лад Калин», ни неистребимого беспорядка, ни специфических полицейских манер. Если закрыть уши и не слышать повсеместную русскую речь (а к ее ненормативной составляющей охотно прибегают даже молодые латыши, никаких других славянских слов не знающие), то запросто можно представить, что ты в каком-нибудь Копенгагене. Впрочем, русская речь ныне и в Копенгагене не редкость. Можно утешаться тем, что официальный статус у этого языка, неприятного адепту «латышской Латвии», в Риге точно такой же, как у суахили или урду.

Вот он, город мечты. Настоящая Европа, в которой нет ничего от России.

И дело, конечно, не только в вывесках. В Риге не принято предлагать дорожным полицейским «договориться». Рижское Управление по делам гражданства и миграции по сравнению со своим московским аналогом, ФМС, – просто-таки образец чиновничьей вежливости и безупречной организации работы. В рижском полицейском участке непредставима история, произошедшая в казанском ОВД «Дальний», и множество подобных ей российских историй.

Но ведь именно этот выпестованный европейский шарм, лоск и такт, ощущение чисто-породного Запада привлекает в Ригу сотни тысяч российских туристов. Точнее – сочетание шарма и такта с географической близостью (полтора часа на самолете, одна ночь на поезде) и отсутствием языкового барьера. Сюда недолго ехать, здесь не обязательно переходить на иностранные «Hello!», «Bonjour!» и даже «Sveiki!» Получается, тут ты как бы одновременно на цивилизованном Западе и у себя дома.

Ты – в столице государства Евросоюза, где не только почти все владеют русским, но и половина населения – этнические русские. Где по телевизору – десятки российских кабельных каналов, в киосках – российские звезды на обложках русскоязычных латвийских еженедельников, в кино – фильмы с обязательными русскими субтитрами. Где на всех афишных тумбах – имена российских певцов и юмористов, пусть и набранные латиницей, а уличные музыканты гундосят Виктора Цоя. Где по-русски с вами пообщается не только почти любой продавец, но и любой банкомат. Где, в конце концов, мэром с 2009-го бессменно трудится русский Нил Ушаков, глава партии, считающейся здесь русской (крайне правые и вовсе говорят об «агентах Кремля»).

Однажды российский телеканал «Дождь» сделал сюжет о Риге. Начинался он со слов о том, что в ней «воплотилась мечта об идеальной России: привычная языковая среда плюс европейские бонусы – такие, как порядок, вежливые чиновники и верховенство закона».

Вот он, город мечты. Настоящая Европа, которая одновременно – Россия.

Карманный Запад

Расхожий анекдот про советскую Прибалтику гласил, что ее жителей в других республиках постоянно спрашивали: а правда, что вы там у себя тоже расплачиваетесь рублями? Я таких вопросов не припомню, но в украинском Николаеве, куда я ребенком каждое лето ездил из Риги к бабушке с бабушкой, мне, малолетней шпане, еще во времена непуганого застоя дворовая старуха как-то проорала (кажется, я мячом угодил куда не следовало): «Убирайся в свою Америку!» Выходит, простому советскому человеку гость из Прибалтики уже тогда казался американским агентом, посланцем враждебного Запада.

Для связи со своими кураторами из-за железного занавеса мы, прибалты по прописке, наловчились делать на рижском заводе ВЭФ транзисторные радиоприемники «Спидола», знаменитые тем, что они хорошо ловили на коротких волнах «Радио Свобода» и Севу Новгородцева.

В не совсем советской Прибалтике были готические соборы, кафе, латинские буквы на вывесках, сдержанные, иногда холодно-презрительные аборигены, оттуда привозили непривычные буржуазные жидкости, вроде ликера «Vana Tallinn» или рижского черного бальзама. Слово «Вецрига» имело французский вкус – фирменным нашим кондитерским изделием были одноименные профитроли.

До последних лет в Союзе сохранялась память о здешних полициях времен немецкой оккупации и о «лесных братьях». Зато российская и прочая «союзная» интеллигенция ценила прибалтийское дозволенное вольнодумство – дозволялось на «карманном Западе» лишь чуть-чуть больше, чем в целом по Союзу, но все-таки больше: не случайно и Сергей Довлатов, и Михаил Веллер, которых не печатали в Ленинграде, пытались дебютировать со своими книгами в Таллине (Довлатову, правда, не удалось издаться и там, пришлось ехать еще западней – в Нью-Йорк). И все, независимо от принадлежности к социальным слоям и прослойкам, ценили Юрмалу, несмотря на пресное и прохладное наше море.

Летом электрички Рига – Юрмала ходили как поезда московского метро в час пик, на знаменитом широком пляже из-за загорающих не видать было знаменитого белого песка. На Рижском взморье бурлила советская долька вите. Живьем увидеть на юрмальском про-

спекте Йомас звезду союзного масштаба было не такой уж редкостью. Легендарный ресторан «Юрас перле» («Морская жемчужина»), нависавший над пляжем в Булдури, на всю громадную страну был известен своим варьете: там начали карьеру Лайма Вайкуле и Борис Моисеев. Юрмальский ресторан с французским названием «Кабург» и бар рижской гостиницы «Латвия» одними из первых в Союзе завели у себя стриптиз: по нынешним временам умилительно-пуританский, по тогдашним – революционный. Неподалеку от Риги имелись нудистские пляжи: «дикие», конечно, но по пуританским советским меркам – тоже признак западной свободы нравов.

Среди московской и ленинградской творческой интеллигенции модно было приезжать в Юрмалу не в сезон. Гостями Дома творчества писателей в Дубулты побывал весь цвет советской литературы второй половины XX века. Фрондерствующая богема ехала даже не в Юрмалу, а еще дальше на запад по берегу Рижского залива – в маленькие рыбацкие поселки: именно в тех краях, на шоссе Слока – Талси, разбилась на «Москвиче» в предпоследний год существования Союза его первая настоящая рок-звезда Виктор Цой.

Запад по карману

Четверть века спустя мы у себя в Прибалтике рассчитываемся в евро. Между Латвией и Россией – шенгенская граница, рижское мирное небо стерегут военно-воздушные силы Североатлантического альянса. Убраться в Америку мне теперь в определенном смысле проще, чем в Россию – во всяком случае, для поездки в Москву гражданину Латвии нужна дорогостоящая виза, а для поездки в Нью-Йорк не нужна никакой.

Тем удивительней, что в рижских декорациях сегодня играют всё ту же пьесу про русскую Европу – с другими актерами, но практически с тем же сюжетом.

Россияне составляют большинство среди иностранных туристов в Латвии и занимают стабильно первое место по длительности пребывания здесь. Среди российских туристов наибольший процент тех, кто приезжает сюда не впервые. Как и десятилетия назад, они нахваливают рижскую чистоту, архитектуру, кофейни, и все так же увозят с собой керамическую бутылочку черного рижского бальзама (произведенного, между прочим, на заводе, принадлежащем российскому собственнику).

Язык межнационального общения, каким именовался русский в Советском Союзе, в нынешней Риге (где никакого официального статуса у русского, напомним, нет) выполняет именно эту функцию – средства межнационального общения. Жестокая логика рынка заставляет лопотать на ломаном «оккупантском» даже юных латышских официанток, никакого русского в школе не учивших: клиент всегда прав, откуда бы он ни приехал.

На Рижском взморье бурлит выездная российская дольче вита. Во всяком случае, бурлила до прошлого года – тринадцать лет подряд, с 2002#го по 2014#й, в Юрмале проводился конкурс молодых исполнителей «Новая волна», притягивавший, как магнит стальную стружку, акул гламура и китов капитала со всего экс-СССР – и не только. Курортники из бывшего Союза, заполняя летом Балтийское побережье, словно возвращают его на тридцать лет назад. Количество загорающих на квадратный метр пляжа приближается к показателям 1980#х.

Есть, конечно, и разница по сравнению с советскими временами. Когда Латвия была частью большой общей страны, она служила ее «европейской витриной». Став же членом совсем другого Союза, Европейского, Латвия сделалась для россиян – дверью. Входом в Евросоюз, снабженным автоматическим платным турникетом. Бросаешь в щелку определенную сумму – то есть делаешь на эту сумму инвестиции в латвийский бизнес или в недвижимость – и получаешь здесь пятилетний вид на жительство. И вот уже ты владелец жилья в Евросоюзе и его резидент.

Чемодан – вокзал – Рига

Когда Ригу в начале XIII века основал немецкий епископ Альберт фон Буксгевден, она была форпостом христианского мира на землях языческих балтийских племен. Во времена соперничества немецких рыцарей и русских князей в Прибалтике она служила оплотом католического Запада в противостоянии православной Руси. После завоевания Петром I Лифляндии – наоборот: западными воротами Российской империи. В период своей первой, межвоенной независимости Латвия – «санитарный кордон» Европы у границ СССР. В следующие полвека – «советский Запад». Словом, Рига всегда была городом на границе: стран, цивилизаций, Европы и России, Запада и Востока. Точкой их схода.

В Риге жил и работал Рихард Вагнер, сумрачный германский гений, воспеватель норн и валькирий. С Ригой связана биография Николая Рериха и история нескольких поколений его предков, в городе существовало влиятельное рериховское общество, в нем есть улица Рериха, в здешнем Художественном музее немало его картин с тибетскими и гималайскими пейзажами. Немецкий нордический мистицизм и восточная мистика в русской трактовке, «Песнь о Нибелунгах» и «Песнь о Шамбале» – все это пересекается в Риге.

В городе, множество раз в течение столетий менявшем подданство и национальный состав населения, смешивались этносы и культуры, кипела торговля (крупный порт!), разрасталась промышленность, расцветали искусства – как в начале XX века, так – отчасти – в его конце... Потом в силу исторических катаклизмов все рушилось, население разбегалось, централизованно увозилось (как немецкое в 1939#м), так же централизованно уничтожалось (как еврейское несколько лет спустя), массово прибывало новое (как советское после войны), потом ему, в свою очередь, предлагали формулу «чемодан – вокзал – Россия»...

Несколько раз в Риге заваривалась пестрая и крайне многообещающая национально-культурная смесь – и эти периоды совпадали с пиками промышленного развития, город стремительно рос (буквально, демографически) и росло его хозяйственное значение, интеллектуальная роль: так было в последние десятилетия Российской империи и в последнее десятилетие советской. Но обе империи распались, а Рига, формально повышенная в 1991 году в статусе до столицы независимого государства, из космополитического «плавильного котла», индустриального и культурного центра сделалась уютным и сонным, чистым и бедным городом в маленькой стране, поднявшей знамя этнической чистоты и ищущей идеал в полувековом прошлом.

Открытый всем ветрам порт на стыке цивилизаций, Рига обречена была стать проходным двором, шумным многонациональным табором – а стала опрятной и тихой столицей полуторамиллионного народа с крестьянской ментальностью и изоляционистской психологией. Но против судьбы не попрешь. Словно в насмешку над хуторским идеалом (было время, националистическая коалиция шла на муниципальные выборы с характерным лозунгом «За зеленую и латышскую Ригу») космополитическая закваска города воплотилась в ирландских пэтэушниках разных возрастов, колобродящих в пабе Paddy Whelan's, и в вальяжных московских «папиках», гужующихся в пафосном ресторане Fabrikas.

Мотивы у россиян, покупающих билет в Ригу, бывают совершенно разные. Иной москвич среднего достатка просто хочет цивилизованного отдыха за умеренную цену и чтоб не тратить время на долгий перелет, а нервы – на объяснения с иноязычными аборигенами. Иной миллионер обзаводится виллой в Юрмале, движимый иррациональной ностальгией и рациональным желанием иметь лишнюю собственность в Евросоюзе – другой следует его примеру, возникает мода и, как любая мода, доходит местами до гротеска. Иной бизнесмен предпочитает латвийские налоговые правила и европейское правовое поле (и, опять-таки, чтобы не очень удаляться от России). Кого-то соблазняет возможность получить «ВНЖ в

обмен на инвестиции» – таких было множество до 2014 года, когда эта виза стоила (в дешевом варианте) всего 100 тысяч долларов (71 тысячу евро).

Россияне, глядящие на латвийскую столицу с востока, частенько видят в ней символ обобщенного Запада – и переносят на город и страну свое отношение к этому самому Западу. Но если судить по количеству россиян, приезжающих в Ригу, призыв «Все в Латвию!» находит в России никак не меньший отклик, чем рекомендация держаться от Риги подальше.

Глава 2. Два в одном. Особенность Риги

«Национальный вопрос их только испортил».

На вопросы «В чем особенность рижан? Какое свойство горожан определяет специфику рижской жизни и ее отличие от жизни в других городах?» ответ искать долго не придется. Главная особенность рижан как общности – в том, что никакой единой общностью они не являются. Городское население делится почти пополам – и две эти равновеликие группы живут во многом совершенно разной жизнью, стараясь поменьше обращать внимание на существование друг друга.

Рижане говорят на разных языках – в прямом и в переносном смысле. Смотрят разные телеканалы, слушают разное радио и читают разную прессу. Водят детей в разные детские садики и школы. Празднуют разные праздники. У них разная трактовка истории и разное восприятие горячих новостей – и то, и другое не просто несхожее, а во многом диаметрально противоположное. И это противопоставление не только используется, но и провоцируется политиками, которые любят объяснять избирателю, что все его проблемы – от враждебных соседей-чужаков, и только он, политик-радикал, может эффективно бороться с их тлетворным влиянием.

Понятно, что на выборах представители двух категорий рижан голосуют за разные партии. И когда эти партии проходят в сейм (высший законодательный орган страны), депутаты от одной половины населения готовы объединяться в своем кругу в любые коалиции и преодолевать любые идейные и экономические разногласия – лишь бы только не позволить сформировать правительство представителям второй группы жителей. Что служит залогом дальнейшего усугубления взаимонепонимания и заводит ситуацию в безнадежный тупик.

На эти две половины рижане делятся по языковому и национальному признаку: латыши и нелатыши. И тех, и других в городе – примерно поровну: латышей по статистике процентов 55 (правда, статистика эта не отражает адекватно текущих процессов трудовой миграции: многие рижане уезжают в поисках работы в Западную Европу, а жители латвийской провинции едут в Ригу, оставаясь зарегистрированными по старому месту жительства – в итоге процент представителей титульной нации в городе увеличивается). Среди нелатышей большинство – процентов 80 – этнические русские, примерно поровну белорусов и украинцев (по неполных 10 процентов), плюс совсем небольшая доля лиц других национальностей бывшего СССР.

Поскольку нелатышская половина в чисто этническом отношении все-таки неоднородна, ее представителей часто обозначают корявым термином «русскоязычные». И это верно в том смысле, что родной язык – главный фактор, определяющий самосознание рижан-нелатышей: и для подавляющего большинства этот язык русский.

И именно русский язык всякий раз становится главной мишенью законодательных атак «национально настроенных» политиков#латышей, когда они решают мобилизовать свой электорат (особенно энергично это делается, естественно, перед выборами).

С самого начала существования Второй республики государственный язык в ней только один – латышский. При том, что по-русски дома разговаривает ровно треть населения страны: чуть меньше 34 процентов. Владеет же русским не менее двух третей жителей Латвии. Однако сама мысль о возможности придания русскому языку равного статуса воспринимается латышской общиной как подрывная и провокационная. Подвергнуть сомнению монополию латышского в качестве государственного языка – это здесь крамола даже не политическая, а почти религиозная. Латышский как единственный государственный – больше, чем аксиома, не требующая доказательств. Это – символ веры. Депутат сейма, при-

нимая присягу, клянется «быть верным Латвии, крепить ее суверенитет и статус латышского языка как единственного государственного».

Когда несколько лет назад здешнее левое объединение – разумеется, русское и, разумеется, маргинальное – затеяло в Латвии общенациональный референдум по вопросу придания русскому языку государственного статуса, инициатива была расценена как покушение на устои и независимость страны. Я не утрирую – публицист правой газеты «*Latvijas Avīze*» высказался тогда чеканно и исчерпывающе: «Требование признать русский язык вторым государственным равнозначно требованию признать, что это (Латвия. – *А. Е.*) – территория России». Секретарь сейма тогда же сказал, что все, кто ставил свои подписи во время кампании за проведение референдума, расписались тем самым в измене родине. «Пятая колонна сама себя зарегистрировала», – удовлетворенно заметил член президиума национального парламента. И даже самый известный театральный режиссер страны Алвис Херманис (лауреат российской «Золотой маски», кстати) отрубил: «Референдум – это тест для предателей государства». У меня в паспорте с тех пор стоит штамп «*Parakstu vakšana*» («Сбор подписей»), он же, стало быть, клеймо предателя.

Референдум был чисто демонстративной акцией, в его успех ни секунды не верили даже сами организаторы, прекрасно понимая, что вся латышская община мобилизуется для провала инициативы – так и вышло.

Язык трети населения страны законодательно закреплен в статусе иностранного и в этом смысле не отличается от какого-нибудь африкаанс. При том, что в Риге русский звучит повсеместно и используется во всех сферах жизни – начисто исключая, правда, официальное делопроизводство. То есть и русский, и латышский врач поговорят с русским пациентом на его языке, но рецепт выпишут на латышском. Русские родители ведут ребенка в русский садик, но табличка на воротах садика – латышская. Я пишу статьи в русскую газету, естественно, по-русски, но мой договор с русским работодателем составлен на латышском.

Другой гуманитарный предмет, сделавшийся в Латвии объектом почти религиозного к себе отношения, – история. Верней, один эпизод латвийской истории XX века, а именно – включение страны в состав СССР в 1940 году.

Если едешь в центр Риги с левого берега Даугавы по Каменному мосту, прямо перед глазами маячит зловеще-черное, длинное, формой напоминающее гроб здание с надписью «*The Museum of the Occupation of Latvia. 1940–1991*». Чтобы попасть с набережной на Ратушную площадь, в туристическое сердце города, откуда традиционно начинаются все экскурсии, надо пройти непосредственно под этим черным гробом. Очень выходит символично: прежде чем любоваться красотами Вецриги, проникнись осознанием того, что эта страна – жертва тоталитарных режимов.

Когда-то в черном здании меня приняли в октябрыта. И сейчас под стеклом там лежат среди прочего пионерский галстук, значок и красный флажок с надписью «СССР» – в точности такой же, каким, малолетний, я махал на первомайских демонстрациях. Но теперь здание бывшего музея Латышских красных стрелков воплощает совсем иную идеологию.

«Оккупация» здесь – ключевое слово. Охарактеризовать период с 1940#го по 1991 год как-то иначе еще недавно означало расписаться в нелояльности. С мая 2014 года, когда сейм принял закон «Об отрицании оккупации Латвии СССР и нацистской Германией», это уже – уголовное преступление, за которое можно получить до пяти лет тюрьмы. И как минимум одно дело по соответствующей статье с тех пор возбуждено. В отношении человека, отрицавшего советскую, конечно, а не нацистскую оккупацию.

По элементарной логике, любой, признавший (как того требует закон!) события 1940 года именно оккупацией, тем самым признает всех, кто переехал в последующие полвека в Латвию из других республик СССР – оккупантами. А их потомков – потомками оккупантов. Среди латвийских русских таких – приехавших и потомков – подавляющее большинство (я,

допустим, – потомок в третьем поколении). Известный латвийский историк Инесис Фелдманис – член, между прочим, исторической комиссии при президенте – так напрямую и говорил: в стране «в данный момент 700 тысяч гражданских оккупантов» (и он же: «Оккупация является красной линией нашей истории»). Разумеется, если я напишу в блоге или даже в газете, мол, отказываюсь считать себя оккупантом, – меня на завтра не увезет в наручниках Полиция безопасности (местный аналог ФСБ). Но атмосферу внутри двухобщинного латвийского общества коллизия с данным законом характеризует довольно ярко.

Может показаться абсурдным, что вопросы гуманитарных наук остаются стержнем политической жизни страны с тяжелыми экономическими, социальными и демографическими проблемами, с удручающими показателями безработицы, трудовой эмиграции, депопуляции. Тем более что указанные проблемы равно актуальны и для латышей, и для русских.

Но ничего удивительного тут, конечно, нет. Провоцировать бесконечный, бесплодный и безвыходный антагонизм двух групп избирателей – испытанный способ отвлекать их внимание от реальной, общей для всех проблематики. Способ этот безотказно действует уже почти четверть века – в течение которого население Латвии сократилось на четверть: с 2660 тысяч в 1991#м до 1992 тысяч в 2014#м. В местной прессе в этой связи часто приводится пример для сравнения: потери СССР во Второй мировой справедливо считаются катастрофическими – но от общего населения страны они составили меньше 15 процентов.

Two towers: памятник против памятника, память против памяти

В самом центре Риги, в начале ее главной улицы Бривибас (Свободы), стоит главный скульптурный символ Латвии – одноименный улице 42#метровый памятник Свободы. Возведен он в 1935 году во славу первой латвийской независимости – за пять лет до ее краха. Наверху монументальной композиции, на высоком четырехгранном столбе стоит зеленая девушка (прозванная Милдой – так же часто именуют и весь монумент), держащая в поднятых над головой руках три золотые звезды. Они символизируют три исторические части Латвии: Курземе, Видземе и Латгале (Курляндию, Лифляндию и Латгалию).

Если направиться от Милды в сторону Старого города, пройти строго по прямой, по улочке Калькю (*Kaļķu*; Известковой), через Ратушную площадь, форсировать Даугаву по Каменному мосту и продолжить путь по такому же прямому бульвару Узварас (*Uzvaras*; Победы) – довольно скоро упрусь в парк с тем же названием: Победы. А двигаясь по его главной аллее, окажешься у подножия еще одного высоченного (79 метров) граненого столба с пятиконечными звездами наверху.

«Победа» эта у всех разная. Названия своего бульвар ни до, ни после «оккупации» не менял – но если при Первой республике имелась в виду победа в войне за латвийскую независимость, то при Советской Латвии – победа над фашистами. Теперь же название бульвара трактуется, в зависимости от взглядов, взаимоисключающим образом: что для одних Великая Победа советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, то для других – «повторная оккупация», порабощение на последующие сорок пять лет, главная национальная трагедия века.

Первые приходят к первому из памятников, вторые – ко второму.

На двух концах недлинного, как по линейке вычерченного маршрута, – два идеологических полюса современной латвийской жизни. Между двумя башнями, two towers, уже третье десятилетие длится, почти по Толкиену, противостояние – неформальное, но для всех в Латвии очевидное.

Вторая башня, возведенная ровно через полвека после первой, в 1985#м, – это стела Памятника освободителям Риги от фашизма. То есть, согласно официальной нынешней

трактовке истории, – советским оккупантам. Под стелой – фигуры в советских касках и с «ППШ», Родина-мать, не похожая на Милду, но похожая на ту, что на Мамаевом кургане. Эта Родина – не Латвия. Если звезды в руках у Милды символизируют латвийскую независимость, то советские звезды на вершине стелы – символ режима, независимость эту уничтожившего.

Под первой башней происходят всевозможные официальные торжества с участием государственных деятелей. О существовании второй башни эти деятели стараются не вспоминать, а самые радикальные из них время от времени предлагают сравнить ее с землей.

К памятнику Свободы 16 марта каждого года, в день боевого крещения Латышского добровольческого легиона СС, шествуют его ветераны. У Памятника освободителям 9 мая каждого года собираются ветераны советской армии. К шествию легионеров примыкают парламентарии с правого политического фланга, на митинге 9 мая выступает мэр Ушаков, считающийся левым. Мероприятия 16 марта полагает оскорбительными для себя почти любой представитель русской общины, празднества 9 мая вызывают более или менее активное неприятие у многих, возможно, у большинства латышей.

Напряжение между двумя частями латвийского общества, практически незаметное туристу и почти не влияющее на повседневную жизнь рижан, в эти дни становится столь же очевидным, как во времена предвыборных кампаний. Масштабных эксцессов не бывает, но на эмоциональном уровне эти даты затрагивают очень многих.

Для меня 16 марта – день стыда за свое государство, 9 мая – день гордости за своих предков. Не сомневаюсь, что подавляющее большинство латышей, вне зависимости от возраста, характера, уровня образования и политических убеждений, моих эмоций не разделяют. Это вовсе не значит, что большинство испытывает противоположные чувства. Уверен, чувства они испытывают очень разные. Но – не совпадающие с моими. Со своими добрыми приятелями из числа латышей я никогда не обсуждаю две данные даты.

Официально утвержденная, вписанная в учебники, представленная в бывшем музее Красных латышских стрелков версия истории Второй мировой здесь такова: эта война для Латвии была чередой жестоких иностранных оккупаций. Вхождение Латвии в состав СССР летом 1940#го ничуть не более законно, чем ее же вхождение в рейхскомиссариат Остланд летом 1941#го. Соответственно никакого освобождения Риги от немецко-фашистских захватчиков в 1944#м не было – была повторная советская оккупация, продлившаяся до 1991#го. И 9 мая для Латвии означает не столько победу над нацизмом, сколько начало самого долгого из черных периодов ее истории XX века (повторю: таков официальный взгляд). Получается, что это не День Победы, а День Поражения. Праздновать тут нечего – следует скорбеть. И массовые торжества с прославлением армии, считающейся оккупационной, с этой точки зрения выглядят кощунством и глумлением.

Нетрудно догадаться, почему эту точку зрения упорно не хочет разделить подавляющее большинство русских рижан.

Кто вы, доктор Зло?

Конечно, между двумя латвийскими праздниками раздора есть принципиальная разница. 9 мая без всякой натяжки можно назвать праздником всех здешних русскоязычных. Более того – это главный фактор, объединяющий крайне разношерстную общину, безошибочный наш способ самоидентификации. Оттого мероприятия у Памятника освободителям – по-настоящему массовые: общее число людей, приходящих в течение дня в парк Победы, превышает (а иногда и сильно превышает) сотню тысяч человек. Это тем более показательно, что день будний, все торжества неофициальные и на организацию их не тратится ни одного бюджетного centa.

Латвийское празднование Дня Победы – противоположность российскому в том смысле, что в России на это празднование бросают все государственные ресурсы (финансовые, информационные и пр.), а у нас государство данную дату показательно и принципиально игнорирует. Многие же представители государства видят в означенных торжествах демонстрацию нелояльности Латвии.

Но если 9 мая в Латвии – дата, объединяющая русских, то 16 марта – дата, разъединяющая латышей. Легионеры СС, разумеется, кумиры не всех представителей титульной нации. Многих интеллигентных латышей ажиотаж средств массовой информации в связи с легионерским шествием смущает и раздражает (так звезд раздражают папарацци, стремящиеся запечатлеть их, занятых каким-нибудь физиологическим процессом). Да и исполнительная власть, понимая ущерб международному реноме страны, от мартовских торжеств показательно дистанцируется. Представители правительства в памятных мероприятиях не участвуют, а в 2014#м министр регионального развития, объявивший о своем намерении примкнуть к шествию легионеров, был немедленно отправлен в отставку.

И все-таки сказать, что ветераны обеих «оккупационных» армий и слуги обоих режимов «равноудалены» от латвийского государства и латышской национальной идеологии, не получается. За постсоветское время в стране состоялся ряд судебных процессов над престарелыми красными партизанами и бывшими сотрудниками НКВД – и они завершились обвинительными приговорами по статье «геноцид» (правда, многих осужденных по разным причинам выпустили из тюрьмы досрочно). При этом ни одного процесса над нацистскими преступниками в независимой Латвии не было, а 41 человек, осужденный за военные преступления советским судом, был в ней реабилитирован – в том числе члены зондеркоманд.

О латышских легионерах СС четвертый президент Второй республики Андрис Берзиньш сказал в свое время (будучи действующим главой государства) так: «Они боролись с мыслью защитить Латвию. Считать их преступниками – это за рамками здравого смысла. Вместо этого перед ними надо склонить голову». А об их противниках, освободителях Латвии от нацистов (тех самых, которым памятник), второй президент Второй республики Вайра Вике-Фрейберга высказалась следующим образом (тоже в пору своего президентства): «Мы не изменим сознание тех пожилых россиян, которые 9 мая будут класть воблу на газету, пить водку, распевать частушки и вспоминать, как они героически завоевали Балтию».

Вот и весенние праздники, мартовский и майский, хоть и неофициальные, но – в разной мере. Бросающееся в глаза обстоятельство: шествие легионеров проходит у главного государственного символа, мероприятия же 9 мая – у монумента, который в девяностых ободрали охотники за металлом и изгадили граффити, который неонацисты однажды пытались взорвать, а публицисты многократно предлагали снести.

День легионера в прошлом все-таки отмечался официально: пару лет в конце девяностых, – День Победы в независимые годы, конечно, никогда. Что же касается правительственного бойкота легионерских мероприятий – то да, представителей исполнительной власти на них не бывает, зато в колонне с ветеранами СС шагает множество законодателей. Причем это депутаты не какой-нибудь маргинальной партии, а объединения, входящего в правительственную коалицию (так называемого «Национального объединения»).

Латышский легион – не просто испытанное средство политических спекуляций правых. Это часть национальной идеологии и мифологии – не главная, но существенная. Недавно здешние историки и публицисты потратили столько сил на адвокатуру данного подразделения. Базовый их тезис: следует отделять полицейские батальоны (то есть карателей, в чьих преступлениях сомневаться невозможно) от фронтовых частей, собственно Латышского легиона (то есть солдат, воевавших не с мирным населением, а с оккупационной Красной Армией). Постулат этот чрезвычайно лукавый – потому что многие полицейские батальоны были включены в состав легиона. К тому же существуют свидетельства уча-

ствия легионеров в зверских расправах над гражданским населением (скажем, в карательной операции «Весенний праздник» в Витебской области в 1944#м) – но такие свидетельства нынешней официальной историографией объявляются советской пропагандистской ложью. Установка этой историографии предельно четкая: в крайне неприглядной теме латышского коллаборационизма (как-никак на территории страны было уничтожено порядка 90 тысяч евреев) найти некий незапятнанный объект – а если надо, очистить его. И таким объектом стал Латышский легион СС.

Поэтому не берется во внимание, что он присягал Гитлеру. Что ни о какой латвийской независимости в 1943–1944 годах и речи быть не могло. Принято считать, что латышские легионеры воевали за свободу – во всяком случае, сами в это верили. Почему президент Берзиньш призывал склонить головы перед бойцами Ваффен СС? Потому что «они боролись с мыслью защитить Латвию».

Тут все упирается в систему ценностей. В моей личной системе ценностей, как, вероятно, в системе ценностей большинства русских, никакая латвийская государственность не оправдывает того, чтобы воевать на стороне самого отвратительного режима в истории. Восприятие нацизма как Абсолютного Зла – важная часть русского национального (в самом широком смысле) сознания, в котором тема Второй мировой занимает ничуть не меньше места, чем в латышском. Вот только в латышской исторической мифологии роль дьявола, полюса Зла, беспримесного мрака отведена режиму сталинскому. Оттого все, что этому Злу активно противостояло, де-факто зачисляется в силы добра.

Останки героя послереволюционной борьбы за независимость Латвии, а впоследствии генерал-инспектора войск СС группенфюрера Рудольфа Бангерского, сдавшегося в 1945#м англичанам и умершего в ФРГ, в середине девяностых торжественно перезахоронили на почетном месте Братского кладбища в Риге – фактически в национальном пантеоне.

Паспорт инопланетного монстра

Когда в 1989 году Народный фронт Латвии объявил о намерении бороться за независимость республики, в его программе был такой пункт: организация выступает за то, чтобы гражданство независимой Латвии получили все ее жители, кто этого захочет. В следующем году НФЛ, активно поддерживаемый в том числе и русскоязычными, триумфально победил на выборах в Верховный Совет Латвийской ССР. Осенью следующего, 1991 года, через месяц после того, как независимость Латвии признало руководство распадающегося после путча СССР, этот контролируемый Народным фронтом Верховный Совет принял постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики».

Согласно ему, гражданство страны получали только граждане Первой, довоенной, республики и их потомки. Примерно семистам тысячам человек – «ввезенным в оккупированную Латвию в период оккупации» (как потом было сформулировано в проекте декларации), их детям и внукам – в гражданстве было отказано. Около трети населения страны – в основном те, кто прожил здесь всю жизнь или большую часть жизни, – обнаружили себя в интересном (и весьма туманном тогда) юридическом положении. Почти все они были русскоязычными. И, конечно, среди них хватало тех, кто голосовал за Народный фронт.

Закон о гражданстве, принятый в 1994#м, закрепил жителей из категории «последствие колонизации СССР» в невиданном в международной практике статусе неграждан – «негров», как их многозначительно прозвали. Теоретически право пройти натурализацию (написать прошение, заплатить пошлину, сдать экзамены) они получали – но не все и далеко не сразу: была разработана сложная система так называемых «окон». Я, например, тогда натурализиться не мог – хотя не только прожил в Риге всю жизнь, но здесь десятилетиями жили и мои родители, и родители моего отца. Моя проблема оказалась в том, что рожать меня

мать, тоже прописанная тогда в Риге, улетела к своим родителям в украинский Николаев – и хотя впервые в Латвии я оказался в возрасте полутора месяцев, местом моего рождения в документах значилась Украина. Одного этого хватило, чтобы даже возможность просить о латвийском гражданстве отодвинуть на годы.

Много лет мой паспорт с надписью «alien», «чужой» – в точности как в голливудском ужастике про инопланетного монстра с двумя парами челюстей – вгонял в ступор пограничников и гостиничных портье во всех углах Европы. Однажды из-за нас с приятелем – двух «чужих» – поезд Цюрих – Милан застрял на швейцарско-итальянской границе на лишние минут двадцать. Все положенные визы у нас имелись, но сами паспорта голливудских монстров настолько озадачили итальянских погранцов, что они ушли с ними в свою будку и долго выясняли, как с этими загадочными пришельцами быть.

Вместе с сотнями тысяч «негров» я не имел права голосовать на выборах – даже муниципальных. Не мог работать ни в каких органах госуправления, а также по множеству самых разных профессий: полицейского, пожарного, адвоката, капитана морского или воздушного судна – всего в перечне были десятки пунктов. В отличие от граждан я не мог без виз ездить в шенгенские страны. «Неграм», начинавшим трудовую деятельность в советские времена, засчитывали меньший стаж при начислении пенсий. Зато налоги они платили – и платят – разумеется, в полном объеме. Хотя с тех пор многие мелкие различия в правах граждан и неграждан утратили силу, в списке этих различий остается 80 позиций: в части запретов на профессии, социальных прав, свободы перемещения и воссоединения семей и т. д.

К концу девяностых, когда перед Латвией встала перспектива скорого вступления в Евросоюз, брюссельские чиновники впали в то же тяжелое недоумение, что иностранные портье, тараторжившие на мой лиловый негражданский паспорт. В их картину мира не укладывалась треть населения страны-кандидата, не только не наделенная гражданскими правами, но и в значительной части не имеющая возможности в близком будущем на них претендовать. Об автоматическом предоставлении гражданства «последствию оккупации» речи, конечно, не шло, но латвийским властям в конце концов пришлось согласиться на уступки: например, отменить «окна натурализации».

За последующие полтора десятка лет часть неграждан уехала из страны, часть умерла, а часть, проглотив вопрос «Почему это я должен выпрашивать право на то, что, по советски, и так мое по рождению?», сдала не столь уж сложные экзамены по латышскому языку, истории и конституции Латвии (как я, например) – и получила обычный человеческий, а не инопланетный паспорт. На данный момент «неграми» остались примерно 280 тысяч человек – седьмая часть населения страны. Поскольку почти все они русскоязычные, а таковые живут почти исключительно в крупных городах, в Риге процент неграждан выше – где-то одна пятая.

Не пожелавшие сдавать экзамены делятся на несколько категорий. Кому-то в силу преклонного возраста поздно учить так и не выученный за всю жизнь латышский. Кто-то пользуется тем, что сначала первый русский депутат Европарламента Татьяна Жданок (бывшая негражданка) выбила из страсбургских функционеров дозволение пускать в шенгенскую зону «негров» без виз, а потом Дмитрий Медведев на заре своего президентства разрешил им безвизовый въезд и в Россию. Знаю я и принципиальных людей, не желающих унижаться ради принадлежащего им, как они полагают, по праву, – но таких, как легко догадаться, немного.

У кого больше, тот и пан

К тому моменту, когда латвийские русские стали более-менее массово получать гражданство и ходить на выборы, здешняя политическая система была давно выстроена. Из двух

сравнимых по численности общин страны монополия на государственную власть с самого начала была у одной. Только в нулевых представитель «русской» партии впервые вошел в руководство Рижской думы (стал заместителем ее председателя). А в национальном правительстве этих представителей не было никогда, нет сейчас и почти наверняка не будет в сколько-нибудь обозримом будущем.

Деление латвийских партий на левые и правые теряет смысл, как только поднимается пресловутый национальный вопрос. Даже те, кто слышит среди латышей либералами и центристами, никогда не согласятся с аксиоматичными для любого европейского либерала и центриста утверждениями: например, что родившийся и проживший всю жизнь в некоей стране человек автоматически имеет право на гражданство этой страны. Или о том, что родной язык трети жителей некоей страны имеет полное право получить в ней официальный статус.

То же касается и сотрудничества с партиями, за которых голосуют местные русские. Возглавляемый Нилом Ушаковым «Центр согласия» («ЦС») благодаря большому проценту русских избирателей в Риге и их солидарному голосованию сумел добраться до руководства Рижской думой (Ушаков – ее председатель с 2009 года). Но добиться столь же решительного перевеса над «латышскими» фракциями в сейме Латвии «ЦС» не может – просто в силу того, что в масштабах страны процент русских избирателей намного меньше. Даже когда «Согласие» занимает на выборах в сейм первое место (как это было два раза подряд, на выборах 11#го и нынешнего, 12#го сейма), другие политические силы – от центристов до ультранационалистов, шествующих вместе с легионерами, – объединяются в коалиции, только чтобы не пустить в правительство «русскую» партию.

Когда «ЦС» с решительным отрывом от конкурентов выиграл предпоследние парламентские выборы, известная здешняя певица Ольга Раецка объявила: консультации с «Центром согласия» со стороны латышских партий будут «чистым предательством», а сама она в этом случае эмигрирует в Австралию (надо понимать – не дожидаясь, пока ее депортируют в Сибирь). Самое безумное, что это заявление не было воспринято как безумие: в блогах и в правых СМИ лязгают траки русских танков и стучат колеса эшелонов в Магадан в период каждых выборов. Впрочем, жить среди коал певице не пришлось – в правительство «ЦС», разумеется, не позвали.

Поскольку Латвия – парламентская республика и для принятия ключевых законов, равно как и для формирования правительства, здесь необходимо обладать большинством в сейме, русская община надежно отрезана от сколько-нибудь серьезного влияния и на законодательную, и на исполнительную государственную власть. Нашим представителям не добиться большинства в парламенте, какие бы чудеса солидарности ни проявляли мы на избирательных участках: просто потому, что среди избирателей мы – меньшинство. При голосовании же в сейме – по вопросу формирования правительства или по законам, касающимся русского языка, русского образования, отрицания советской оккупации и т. д. и т. п., – латышское большинство всегда выступает единым фронтом против нелатышской оппозиции.

На войне как на войне

Удивительная для иностранцев сакрализация вопросов гуманитарных дисциплин, лингвистики и истории – способ сделать стену между общинами непреодолимой. Понятно, зачем – чтобы сохранить монополию на власть в руках одной из них. В свое время латышские политики объясняли отказ пускать «Центр согласия» (стабильного, напомним, лидера парламентских выборов) в правительство – явно нелогичный с точки зрения демократических правил – тем, что Нил Ушаков не признает-де оккупацию. Так кардинальский конклав мог

бы объяснить невозможность обсуждать кандидатуру атеиста. Священное слово *okupācija* вскоре мелькнуло в публичных выступлениях Ушакова – но правительство так же далеко от него, как и прежде.

Чем сильнее недоверие между общинами, тем проще мобилизовать избирателя. Необязательно оправдываться за экономические неурядицы, если внутренний враг не дремлет. Благо он всегда перед глазами – говорит на негосударственном языке, да еще и хочет для него официального статуса, не признает оккупацию, да еще и празднует каждую ее годовщину в мае... Вот даже актер Арнис Лицитис, сыгравший в сотне с лишним советских и российских фильмов, много шутивший в телевизионном «Клубе «Белый попугай», теперь в телеэфире без всяких шуток объясняет, откуда исходит настоящая опасность для Латвии: «Не нужно говорить о Кремле и Путине. Нам нужно думать о том, что происходит у нас. Эти русскоязычные являются пятой колонной!» («Рига#24», ноябрь 2014).

Тезис правых о заведомой враждебности латвийскому государству «этих русскоязычных» приходится подкреплять ссылками на сакральное (оккупация и пр.) хотя бы потому, что никакой враждебности на деле нет. Если уж попытаться сформулировать обобщенный образ желаемого будущего – то для латвийских русских это вовсе не Рижская область Российской Федерации, а что-то вроде Бельгии, где две общины, говорящие на разных языках, полностью равны в правах. Характерно, что именно очевидное сравнение с Бельгией яростно отвергается правыми латышами: дескать, там фламандцы с валлонами веками жили вместе, а у нас произошла *оккупация*.

Правый латышский избиратель стараниями СМИ живет меж двух огней: с одной стороны внутренний враг, с другой, за восточной границей, – внешний. Упомянутая выше певица Раецка, паковавшая чемоданы в Австралию, конечно, работала на публику, да и вообще творческим личностям свойственны причуды. Но моя очень хорошая знакомая рассказывала о своей весьма близкой подруге-латышке – не творческой чудачке, а трезвомыслящем банковском работнике. Эта девушка – даже никакая не правая активистка, а нормальная аполитичная рижская яппи – после начала боевых действий в Донбассе на полном серьезе готовила себя к тому, чтобы при первом же известии о вторжении в Латвию российских танковых колонн немедленно сорваться в аэропорт и попытаться успеть на любой рейс в Западную Европу.

А находясь в кольце врагов, неуместно приставать к властям с претензиями насчет соцобеспечения, борьбы с коррупцией, уровня жизни и занятости. Два с половиной десятилетия противостоя русской угрозе, Латвия по уровню жизни и по количеству бедных много лет демонстрирует худшие показатели в ЕС – кроме разве что Болгарии и Румынии.

То, что латышский избиратель ради борьбы с врагом охотно поступает экономической выгодой, чувствуют на себе не только латвийские русские, но и россияне. В этом смысле очень характерна история с «инвесторскими визами» – вернее, с видами на жительство, которые Латвия дает иностранцам, инвестирующим в здешний бизнес или покупающим здесь недвижимость. Соответствующий закон был принят в рамках борьбы с тяжелейшим экономическим кризисом конца нулевых – и воспользовались им главным образом, конечно, россияне: кому на Западе нужно жилье в Латвии (а в остальном мире ее попросту не знают)?

За три с половиной года это привлекло в страну больше миллиарда евро. Казалось бы, только радуйся. Но чему ж тут радоваться, если Родину тихой сапой захватывает враг? С самого начала действия программы «инвесторских ВНЖ» «Национальное объединение» (которое гуляет с легионерами) боролось за ее отмену. Поскольку объединение входит в правящую коалицию, в сентябре 2014 года сумма сделки, дающая право на ВНЖ, была резко повышена: с 70 тысяч евро до 250 тысяч. Спрос на латвийское жилье среди иностранцев сразу упал практически до нуля. Курица, несущая золотые яйца, была разоблачена как вражеский диверсант и показательно зарезана. А уже через месяц, в октябре 2014#го, зарезав-

шее ее «Нацобъединение» по итогам выборов в Сейм повысило свое представительство там и снова вошло в правительство. (*Подробнее обо всем этом – в главе «Квадратные метры. Недвижимость в Латвии»*).

Подобное устройство политической жизни – и, главное, его гарантированная неизменность – гарантирует отсутствие экономических перспектив. Убедившись в невозможности что-нибудь изменить у себя дома, латвийцы в массовом порядке меняют дом. По самым скромным подсчетам (не учитывающим тех, кто, уехав, остался зарегистрирован на родине), каждый год из-за трудовой эмиграции страна теряет население среднего райцентра – 20 тысяч человек. Но стабильность сложившейся в стране политической конструкции это только увеличивает. Эмигрируют ведь молодые, работающие, самостоятельные – как раз те, кто заинтересован в пересмотре правил. Зато никогда не уедут пенсионеры из числа тех, что пишут доносы на русских продавщиц, и чиновники, этих продавщиц штрафующие. То есть все те, на ком имеющаяся политическая конструкция держится. Конструкция, девиз которой был написан на плакате участника националистического пикета в день вражеского праздника 9 мая: «Проблема Латвии не в бедности – проблема в не ликвидированных последствиях оккупации».

Незлые улицы

Последние новогодние каникулы одна знакомая московская семья решила провести в Латвии, в сельском доме под Сигулдой. Но когда они позвонили владельцу дома, латышу, тот, наслушавшись, вероятно, местных СМИ, отказался иметь с ними дело: дескать, вы из враждебного государства. Правда, очень скоро он понял, что гостей из других государств ждать не приходится, и сам позвонил москвичам с извинениями. Так что они сюда в итоге приехали и остались чрезвычайно довольны визитом.

Российский турист имеет в Риге все основания для довольства. Несмотря на бури в здешнем парламенте, вопли в СМИ и шествия легионеров 16 марта. Ведь туристу незачем читать латвийскую прессу, озабоченную национальным вопросом. На него не распространяются языковые законы и к нему не пристанет строгий инспектор Центра государственного языка с требованием продемонстрировать знание этого самого языка на соответствующую категорию (*о том, что это такое – в главе «Туризм и эмиграция. В Латвию навсегда»*). А на стойке регистрации отеля или в кафе русскому клиенту охотно ответят на том крамольном наречии, вокруг которого депутаты, журналисты и блогеры нещадно ломают копыя.

Борьба за избирателя и борьба за клиента ведутся по разным правилам. Оттого и фильмы в рижских кинотеатрах снабжаются русскими субтитрами, и рекламные телевизионные ролики дублируются на русском, и латвийские туристические и коммерческие сайты сплошь и рядом имеют русскую версию.

Что же касается шествий легионеров СС, то московский бомбила, упомянутый в самом начале, зря так пугался. То есть эсэсовцы, самые настоящие, действительно открыто ходят по улицам города, да иногда еще и в своей военной форме и даже с боевыми наградами. Но, во#первых, творится такое лишь один день в году и только в центре города, причем легионеров и их поклонников охраняет от протестующих антифашистов плотная полицейская цепь. К тому же ветеранов этих в живых осталось к данному моменту два с половиной человека, а все остальные участники шествия – скучнейшие (даже при всем своем идейном радикализме) современные политики и городские сумасшедшие. А во#вторых и в#главных, как ни относиться к данному мероприятию, оно никогда не сопровождается никакой уголовщиной. В Риге, несмотря на все неофициальные и полуофициальные заигрывания с нацизмом, почти отсутствует насильственная преступность на расовой почве. Каждый год заводится десятка

два уголовных дел с националистической подоплекой, но все они... по поводу комментариев в Интернете.

Вот в этом-то и заключается главная особенность здешних дразг на этнической почве – они остаются в медиа и блогах, в зале заседаний сейма и в кабинетах правительства, но на улицу почти никогда не выплескиваются. За те четверть века, что в обществе искусственно поддерживается межнациональное напряжение, общины вынужденно научились сосуществовать друг с другом хотя бы без открытых конфликтов. В своем кругу да за стаканом жидкости производства завода «Латвияс балзамс» и русские, и латыши могут припоминать многочисленные обиды друг на друга, но явившись утром в общий офис или цех, скользких тем касаться не станут. И уж подавно никто не станет демонстративно хамить российскому туристу.

Более того – чтобы узнать по-настоящему другую, не глянцево#туристическую, полную противоречий Ригу, иностранцу (тому же москвичу) недостаточно даже здесь поселиться. Упоминавшийся функционер русского интернет-издания, существующего на российские деньги и работающего для российской аудитории, был совершенно искренен в своих словах про «дешевую Норвегию». Он не пойдет, будучи российским гражданином, на здешние выборы или референдумы. Он не будет при поиске работы отсеян на собеседовании потому, что у него «недостаточная языковая категория». Для тех же, кто по тем или иным причинам может столкнуться со специфическими особенностями латвийской жизни, информация и советы – *в главе пятой четвертой части данной книги.*

Глава 3. Восемьсот лет между. История Риги

Окно Европы

В «невыездные» времена карманным Западом советскому человеку служила вся Прибалтика целиком – общее в столицах трех республик (узкие средневековые улицы, латиница, относительный либерализм и прочая «Европа») было заметней, чем разное. До сих пор умение отличить Латвию от Литвы служит в России признаком интеллигентности, вроде правильного употребления глаголов «одеть и надеть».

Но внимательные путешественники после поднятия железного занавеса смогли убедиться: если Вильнюс похож на польские и вообще восточноевропейские города, то Таллин и Рига – на Германию и Скандинавию. Объясняется это историей: хотя с литовцами латышей роднит балтийский язык, судьба у вторых сложилась совсем иначе – почти так же, как у родственных финнам эстонцев. Когда Вильна была столицей населенного по большей части православными славянами Великого княжества Литовского, Рига и Ревель (Таллин) служили базами немецкой и скандинавской колонизации Прибалтики.

Племена, жившие между морем и западными русскими княжествами, – ливы, летты-латгалы, земгалы, курши – к концу XII века еще не были обращены в христианство и не имели собственной устойчивой государственности. Оттого их земли уже тогда сделались объектом экспансии и предметом соперничества «крупных игроков». Игра, продолжающаяся в каком-то смысле по сей день, началась восемьсот с лишним лет назад. Первыми немцами, появившимися в устье Даугавы, важного торгового пути, были купцы – коммерческие отношения между Русью и Западной Европой сулили большую выгоду. То есть роль моста между Востоком и Западом была уготована Риге еще до ее основания.

Вслед за купцами пришли католические миссионеры – в 1186 году было основано Ливонское епископство с резиденцией в Икскюле (нынешний городок **Икшкиле** в трех десятках километров от Риги, известный средневековыми руинами). С местными у святых отцов отношения не заладились, и хотя второй епископ по имени Бертольд на Даугаву старался без серьезного эскорта крестоносцев не приезжать, миссионерство его завершилось уже на третий год: «Тут двое схватили его, третий пронзил сзади копьем, а прочие растерзали на куски».

И вот тогда в Ливонию – получившую название от финно-угорского племени ливов – был направлен бывший бременский каноник Альберт фон Буксгевден. Его гордая статуя сейчас украшает стену рижского Домского собора, а его имя носит одна из самых известных улиц Риги. Города, который Альберт, новый епископ, основал в 1201 году – дабы ногою твердой стать при заливе, впоследствии названном Рижским. Города, который сделался главным центром немецкой Прибалтики на последующие семь столетий. Полночных стран красой и дивом.

Энергичный Альберт уговорил Папу Римского издать буллу, обещающую индульгенцию всем немцам, что переселятся в Ливонию. Защиту колонистов и пилигримов поручили вновь основанному рыцарскому ордену, ставшему известным как орден меченосцев. Уже через несколько лет после основания орден взял Кукейнос (нынешнее **Кокнесе**, где тоже имеются древние живописные руины), в котором княжил Вячко, вассал князя полоцкого. Последний на пятом году существования Риги осадил ее, но взять не смог.

Аборигены новому, быстро растущему немецкому городу рады тоже не были и не раз пытались его разорить: то ливы с союзными латгалами и литовцами набегут с востока, то курши – с запада. Причем Альберт в борьбе с местными иногда опирался на русских. Полу-

чается, уже в первые десятилетия существования Риги ее судьбу стремились решать немцы, «наши» и те племена, что потом слились в латышскую нацию. И уже тогда взаимоотношения их всех запутывались в крайне непростой клубок.

В 1236 году орден меченосцев был наголову разгромлен балтами в битве при Сауле. Где оное Сауле находилось, точно не известно, литовцы уверены, что это Шауляй, но битва считается героическим эпизодом национальной истории и в Литве, и в Латвии. Ослабевший орден сделался филиалом более мощного Тевтонского – и в этом качестве стал в свою очередь известен как Ливонский орден. Последний в течение двух с лишним столетий боролся – нередко сугубо военными методами – за влияние в Риге с архиепископом (рижское епископство в середине XIII века было повышено в статусе) и быстро ощутившими самостоятельность и силу горожанами-бюргерами.

Уже в 1225#м в Риге появился городской совет – рат (орган автономного управления), а в 1282#м она вошла в Ганзейский купеческий союз, владевший монополией на торговлю в Северной Европе.

Сюда по чуждым им волнам все флаги в гости были к нам. Бывшее членство в Ганзе по сей день является предметом большой гордости рижан. Еще бы: ведь этот статус уравнивает Ригу с Гамбургом, Кёльном, Дортмундом, Бременом и прочей Германией. Ганзейский союз, объединявший не страны, а города, упразднявший на свой манер границы, часто называют прообразом союза Европейского.

Рига была членом Ганзы, а, скажем, Новгород, хоть с ней и активнейшим образом торговал, в союз не входил. Словом, налицо символ исторической причастности к самому что ни на есть истинному Западу – хотя, по совести, какое отношение имеет нынешний латышско-русский город к тогдашнему, стопроцентно немецкому? Даже домов от него осталось совсем немного – Старая Рига на деле куда менее средневековая, чем кажется: иллюзию создают сохранившийся рисунок и ширина улиц. А знаменитый Дом Черноголовых, резиденция старинного купеческого братства святого Маврикия, титульная, открыточная городская достопримечательность, – и вовсе новодел второй половины 1990#х. Реплика здания, построенного в XIV столетии и разрушенного во Вторую мировую, выглядит макетом – едва ли не лего-домом в натуральную величину.

Переходящий приз

Средневековая Ливония была странным образованием. На территории нынешних Латвии и Эстонии попеременно располагались земли Ливонского ордена (то есть немецких рыцарей), рижского архиепископа и еще трех епископств. В городах, имевших собственные органы власти, заправляли бюргеры (по национальности – тоже немцы), а на селе крестьянским трудом занимались покоренные и обращенные в христианство балты.

Рыцари, церковники и горожане беспрестанно выясняли отношения – тут, на дальнем востоке немецкого мира, царили нравы дальнего запада: фронтир он и есть фронтир, вотчина не слишком утонченных пассионариев#авантюристов. Полномасштабные, с применением тогдашней артиллерии (катапульт) боевые действия, бывало, затягивались на годы. Причем Орден параллельно воевал то с датчанами, то со шведами, то с русскими, то с литовцами.

В XVI столетии грянула Реформация. По Риге прокатились волны бунтов и погромов, оставившие после себя разрушенные монастыри и разграбленные соборы. Лютеране одолели католиков, рижское архиепископство было секуляризировано, а Рига получила в 1561#м статус вольного города (то есть не платила больше налогов местным феодалам). В том же году последний ливонский магистр Готхард Кетлер, признав себя вассалом литовского князя, переквалифицировался в светского правителя части орденских земель – стал наследным герцогом Курляндии. Ему досталась западная часть современной Латвии, обла-

сти Курземе и Земгале, символизируемые одной из трех звезд в руках Милды. Прочие владения упраздняемого ордена по так называемой Виленской унии непосредственно включались в состав Литвы.

Пойти на поклон к литовскому князю Кетлера вынудил Иван Грозный. К тому моменту уже три года шла Ливонская война, немцы терпели поражение за поражением. Русские взяли Нарву и Дерпт, шведы, воспользовавшись моментом, прибрали к рукам Ревель, а епископ Эзельский продал свой остров Эзель (нынешний Сааремаа) датчанам. Сильные соседи азартно делили земли Прибалтики – как это многожды происходило в ее истории.

Чем мощнее становилось Московское государство, тем чаще оно с аппетитом поглядывало на слабую соседнюю Ливонию. Войны с ней московские князья затевали несколько раз, но особенных успехов не добивались. Решительную попытку предпринял Иван Грозный – орден под ударами русских войск распался, но поделившие его земли Литва и Швеция действовали куда успешнее.

Когда военная удача отвернулась от Грозного, в Москву прибыли литовские послы с предложением провести границу по тогдашней «линии фронта». Царь усилил репрессии против бояр, а войну велел вести до победного конца – до взятия Риги. В итоге войну Россия проиграла, а Рига присягнула Стефану Баторию. Победитель Грозного правил Речью Посполитой – образованной в ходе войны федерацией Польши и Литвы. Ей, по условиям мира, достались нынешние Видземе и Латгале (две другие звезды в руках у Милды), а в пестрой истории Риги наступил сорокалетний польский период.

В 1621#м поляков сменили шведы. Густав II Адольф, «Снежный король», «Лев Севера», по вине которого бесславно затонул знаменитый галеон «Ваза», успешно бил поляков и русских и двигал Швецию к статусу мировой державы. При нем под властью Стокгольма оказалась большая часть бывшей Ливонии (нынешнее Видземе, которое тогда называли Лифляндией) вместе с Ригой.

О неполном столетии, проведенном городом в составе Шведской империи, владычицы как минимум одного моря – Балтийского, напоминает известная достопримечательность Вецриги, Старого города (Старушки, как зовут ее русские рижане). Единственные, сохранившиеся до нашего времени городские ворота, некогда закрывавшиеся на ночь, находятся на улице Торня, Башенной (*Torņa, 11*). Проритые в конце XVII века в жилом доме, они зовутся Шведскими и окружены множеством легенд – самая известная из которых повествует о молодой рижанке, замурованной в кладке ворот в наказание за греховную связь с солдатом-шведом. Что правда – так это то, что солдаты и впрямь жили в соседних **Казармах Екаба** (*Torņa, 4*), построенных в первой своей «редакции» как раз при шведах.

В скандинавской державе Рига была вторым по величине и важности городом после Стокгольма, резиденцией лифляндского генерал-губернатора. В 1697 году ее посетил в составе Великого посольства молодой русский царь Петр Алексеевич. Шведские власти, принимая его тут без должного почтения (во всяком случае, потом их в этом обвинит сам Петр), вряд ли предполагали, что ставят тем самым крест на геополитических амбициях своего столь успешного к тому моменту государства. Но именно рижские обиды Петр назвал в качестве *casus belli*, объявляя в 1700 году войну Швеции. Понятно, что истинной причиной была потребность в балтийских портах – но в Северной войне Рига послужила России и «запалом», и главным трофеем.

Еще отец Петра Алексей Михайлович осаждал столицу шведской Лифляндии в 1656 году: тогда в здешнюю **Пороховую башню** (*Pulvertornis*) – самую мощную из городских оборонительных и единственную дошедшую до нас – угодил десяток ядер. Но башня устояла, и город выстоял. Так что в следующий раз палить по той же башне пришлось уже самолично Петру Алексеевичу в 1709 году – и его ядра до сих пор может увидеть в краснокирпичной кладке любой турист. Разумеется, все это легенда – хотя ядра и впрямь хорошо видны. Их,

правда, вмуровали в Пороховую башню во время ее перестройки в 1930#х, но осада Риги войсками Петра в 1709–1710 годах действительно позволила взять реванш за прежние русские неудачи.

Проигрыш в Северной войне означал конец Шведской империи и выход на мировую арену империи Российской. Последней, по Ништадскому миру, отошли среди прочего Эстляндия и Лифляндия, а Рига стала западным форпостом России – империя теперь заканчивалась в нескольких десятках километров от городских ворот. Дальше начиналось Курляндское герцогство, формальный вассал Польши, – крошечное государство, чьи правители в XVII столетии пытались осуществлять колониальную экспансию в Африке и Карибском море, а в XVIII хозяйничали в гигантской России (*о нем подробнее – в отдельной главе четвертой части*).

Польская Ливония (нынешняя Латгале) войдет в состав России по первому разделу Польши, в 1772 году, Курляндия – по третьему, в 1795#м. Причем герцогство станет Курляндской губернией, а Латгалию включат в губернию Витебскую. Три звезды соберутся вместе лишь с образованием независимой Латвии – в ее гербе, а потом и в руках у зеленой девушки Милды.

Вавилон на Балтике

Пока существовала Российская империя, Рига находилась в ее составе. Правда, русским городом она все это время была разве что в плане подданства. До конца XIX века в Риге, как и во всех остзейских губерниях, без официального языка империи обойтись было можно, без немецкого – нет (так через сто лет в столице Латвийской ССР не обязателен будет латышский). И в Дерптском университете, и в Рижском политехникуме преподавание велось на немецком.

Ostsee, Восточное море, – немецкое название Балтийского. Покорившие Прибалтику (всю, кроме Литвы) германские крестоносцы утвердили в ней «двухэтажную» структуру общества, продержавшуюся почти семь веков. На нижнем этаже были бесправные и до последних столетий неграмотные крестьяне – представители коренного, латышского и эстонского, населения. На верхнем – дворяне, помещики-землевладельцы, духовенство, городская торговая и ремесленная элита: остзейские немцы.

Злой немец эксплуатировал, добрый изучал и просвещал. Немецкие пасторы стоят у истоков и латышской письменности, и латышской литературы. С XVI по XVIII век они переводят на латышский сначала религиозные, потом светские тексты, создают первые словари, буквари и грамматики. У одного из этих пасторов, Эрнста Глюка из Мариенбурга (Алуксне), целиком переведшего Библию к 1683 году, то ли служанкой, то ли воспитанницей жила Марта Скавронская, будущая жена шведского драгуна, будущая любовница князя Меншикова, будущая супруга Петра I, будущая самодержица всероссийская Екатерина Алексеевна.

Нынче на царском периоде латвийской истории лежит тень сталинской «оккупации», и доброго слова он удостоивается редко. Хотя именно русский царь создал предпосылки для выхода латышской нации на историческую арену. В 1816–1819 годах Александр I отменил в остзейских губерниях крепостное право – за сорок с лишним лет до судьбоносного манифеста своего племянника и тезки, царя-освободителя. Уже тогда Прибалтика в России была на особом счету – «карманному Западу» западные вольности доставались раньше, чем прочим.

Сколь непростой ни была судьба аграрных и образовательных реформ в Курляндии и Лифляндии, судьбу латышских крестьян они изменили. Все больше латышей оказывалось в городах, они появились в университетах.

В Дерптском (Тартуском) университете возник кружок, из которого позднее выросло движение младолатышей, заложившее фундамент национальной культуры. Кстати, члены

движения, имена которых остались в учебниках средней школы и в рижских адресах, отнюдь не ставили себя в оппозицию к российской, петербургской, власти – скорее наоборот, видели в ней союзника в борьбе с вековыми угнетателями – немецкими баронами.

Отношение латышей к российской власти стало портиться при Александре III, взявшемся за напористую и бесцеремонную русификацию имперских окраин. Тогда в курляндских и лифляндских школах было велено, начиная со второго класса, учить только на русском. Всевластие немецких помещиков сменилось всевластием русских чиновников.

Конечно, главной мишенью русификаторов здесь были немецкие порядки и немецкий язык. Тогдашние административно-лингвистические коллизии во многом повторяются через сто лет – только при Александре Миротворце в управлении и образовании насаждался как раз искореняемый ныне русский язык. В конце XIX века он – точно так же, как латышский в конце XX – воцарился повсюду: от судебных документов до уличных афиш.

Рига окончательно перестала быть чисто немецким городом – во всех смыслах. С 1880#х немцы уже не самая большая городская община – их обгоняют, пусть пока и ненадолго, активно переселяющиеся из сел латыши. В экономической жизни бурно растущей лифляндской столицы все большую роль играет молодая национальная буржуазия, в культурной – национальная интеллигенция.

Впрочем, в это время Рига – даже не двуязычный город, а настоящий Вавилон. За вторую половину XIX века ее население выросло вчетверо (!); сравнимой по численности с латышской и немецкой общинами была русская, несколько меньшей, но тоже весьма заметной – еврейская. В Риге появились импозантная Большая хоральная синагога и величественный православный Христорождественский кафедральный собор.

Синагогу в 1941#м латышские полицаи по указанию немецких властей сожгут вместе с пятьюстами запертыми в ней людьми. Собор советский горисполком, уничтожив все фрески и спилив кресты, превратит в 1963#м в планетарий. По внутренней поверхности его главного купола – полусферического, византийского – я в детстве изучал карту звездного неба. Впрочем, это уже совсем другая история совсем другой Риги.

Многофункциональные стрелки

Если рижанин «забьет вам стрелку у Стрелков», это значит, он будет ждать в центре близ набережной Даугавы, на **площади Латышских стрелков** (*Latviešu strēlnieku laukums*), у известного памятника. Три фигуры красного украинского гранита появились здесь в 1971#м – и тогда назывались, конечно, памятником Красным, под стать камню, латышским стрелкам. Скульптурная композиция была изначально задумана как часть большого комплекса, который включал в себя и построенное за год до того здание музея все тех же Красных стрелков, и просторную площадь вокруг.

В независимые времена все пространство позади музея застроили, сам музей рассказывает нынче не о защитниках советской власти, а об ужасах советской оккупации, но стрелки, как и прежде, на посту. Только без одного слова в названии – теперь они красные лишь по цвету. Выглядит памятник менее торжественно, чем когда-то: прямо к постаменту «причаливают» троллейбусы, рядом стоит киоск-«стекляшка» – и получается, что стрелки вместе с остальными пассажирами ждут на остановке транспорт.

Неподалеку, на перекрестке набережной и улицы 13#го января – другой монумент советских времен, уцелевший при новой власти: Памятник борцам революции 1905 года (1960). Вряд ли скульптор-соцреалист Альберт Терпиловский предполагал, что когда-нибудь флаг, который перенимает изваянный им демонстрант из рук застреленного товарища, предложат раскрасить в цвета радуги, а всю композицию переименовать в Памятник первому рижскому гей-параду (как это сделал недавно режиссер-provokator Валтерс Сильшс).

Впрочем, Riga Pride 2005, прошедший сто лет спустя после демонстрации революционных рабочих на набережной, тоже был мероприятием идеологическим и вызывающим. Правда, рабочих 13 января 1905#го расстреляли (погибли 70 человек), а геев в июле 2005#го только закидали яйцами; но я в данном случае вообще о другом. О том, почему революционные бури конца XX века пощадили многие советские монументы в честь революционных бурь его начала.

Дело в том, что борьба с царизмом по-прежнему считается в Латвии делом правильным – только трактуется не в классовом, как когда-то, а в национальном ключе. В конце концов, череда революций в России закончилась советской властью, а в Латвии – независимостью. И те же самые латышские стрелковые части были сформированы изначально вовсе не для охраны Ленина и подавления контрреволюции, а для обороны родных земель от наступающих немцев. И формировали их именно по национальному принципу – слово «латыш» стало звучать идеологическим определением лишь после октября 17#го.

Создавать же эти пехотные части начали в 1914#м – на добровольной основе из говорящих по-латышски жителей западных губерний. В 1915#м немцы предприняли большое наступление на Курляндию, что вызвало резкий приток добровольцев – тем более что вести и командование, и документацию в латышских частях было разрешено по-латышски.

Сражались латыши упорно и самоотверженно – под уже упоминавшимся Икшкиле на Даугаве есть «**Остров смерти**» (*Nāves sala*), на котором в 1916#м шли жесточайшие бои. В 1924#м здесь открыли мемориал, устоявший до наших дней. Другое место боевой славы стрелков – «**Пулеметная горка**» (*Ložmetējkalni*), в районе Елгавы (Валгундская волость, хутор Мангали). Здесь, где в декабре 1916 – январе 1917#го латышские части потеряли больше трети своего состава, теперь – «Музей Рождественских боев» с реконструкциями блиндажей и окопов.

К 1917 году в распропагандированной и не желавшей воевать русской армии латышские стрелки оставались одними из немногих дисциплинированных и боеспособных подразделений. Поскольку многие из них в революционную пору приняли сторону большевиков, те использовали их для самых ответственных дел – латыши принимали участие в событиях октября 1917#го, формировали отдельную сводную роту, охранявшую Совнарком и лично его председателя, активно подавляли контрреволюционные выступления.

Во время Гражданской войны латышские стрелки воевали и за красных, и за белых – хотя красные стрелки были более многочисленны, более успешны в боях, а многие латыши, служившие в РККА и ЧК, сделали впечатляющие карьеры. Первым комендантом Соловецкого лагеря и первым начальником ГУЛАГа стал бывший латышский стрелок Теодор Эйхманс. Поэтому когда нынешние латышские националисты принимаются в очередной раз подсчитывать ущерб, нанесенный стране советской «оккупацией», некоторые русские правые в полемическом задоре отвечают: да если б не латыши, в России не было бы ни большевиков, ни Гражданской войны, ни репрессий.

Те же латышские полки и латышские деятели большевистской партии, что помогли установить и отстоять советскую власть в РСФСР, не смогли удержать ее в Латвии. Большевистское правительство Петериса Стучки продержалось в Риге всего пять месяцев в 1919#м. Одна из центральных улиц города, Тербатас (Дерптская), с 1950#х по 1990#й носила имя Стучки. А на нынешней Замковой (*Pils laukums*), некогда Пионерской площади перед нынешним Президентским дворцом, некогда Дворцом пионеров, Стучка стоял сам: на высоком постаменте, странно шаря возле себя рукой – словно в поисках опоры. В нужный момент опоры не нашлось: эта скульптура смену идеологических вех в 1990#х, конечно, не пережила.

С первой попытки

Государственной столицей впервые в своей истории Рига стала 18 ноября 1918 года, когда временный парламент, названный Народным советом, в здании русского Второго городского театра (теперь **Национальный театр** (*Latvijas nacionālais teātris*); *Kronvalda bulvāris*, 2) провозгласил независимость Латвии. Ровно за неделю до этого завершилась Первая мировая война: 11 ноября 1918#го Германия подписала Компьенское перемирие. Правда, Рига к тому моменту была уже больше года оккупирована немецкими войсками, занимавшими части будущей Латвии в бесславных для русского оружия 1915 и 1917 годах. Вышло так, что обе претендовавшие на эти земли империи – Российская и Германская – проиграли войну и рухнули, дав шанс на появление никогда дотоле не существовавшим государствам.

Воспользоваться шансом, впрочем, было не так просто. С февраля 1917#го в Риге и Лифляндии длится военно-революционная чехарда: Временное правительство, немецкие оккупационные власти, советский Исколат (Исполком Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии)...

Среди этой свистопляски провозгласивший Латвийскую Республику Народный совет не был ни первым, ни последним. Но в результате массы перипетий, в пересказе кажущихся «Свадьбой в Малиновке», а в реальности бывших кровавыми и драматичными, правительству новорожденной независимой Латвии не только удалось удержать власть, но и одержать – силами наспех сформированной армии – ряд военных побед.

Главной из них считается разгром под Ригой корпуса колоритного авантюриста, бывшего полкового капельмейстера Павла Бермонта-Авалова, провозгласившего себя командующим Западной добровольческой армией и действовавшего как бы вместе с Юденичем, но на деле в интересах немцев. В честь этого события был учрежден праздник 11 ноября (здешний День защитника Отечества), а уже в XXI столетии снят единственный за всю историю Второй республики блокбастер «Стражи Риги» с невиданным для латвийской киноиндустрии бюджетом в 4 миллиона долларов. Построенные для него под Тукумсом (километров 60 от Риги) масштабные декорации по окончании съемок разбирать не стали, а превратили в постоянно действующую площадку и аттракцион для приезжих. **Киногородок «Синевилла»** (*Kinopilsēta Cinevilla*) вошел в маршруты поездок по ближайшей к Риге и Юрмале части Курземе.

Наводка:

* Сайт киногородка «Синевилла»: cinevillastudio.com

Буферный рай

Накануне Первой мировой войны в Риге было почти 500 тысяч населения. К концу смуты, в 1920#м, – меньше 200 тысяч. И это уже совсем другие люди: если в кипучем предвоенном Вавилоне ни одна из общин не превышала даже 40#процентной доли, то в Риге, впервые ставшей столицей национального государства, больше половины жителей – латыши (тоже впервые в истории города). И никакая другая община с ними уже не сравнима: немцев – и тех втрое меньше, русских – вообще 6 процентов.

Во время войны из прифронтового города эвакуировали большинство заводов. Среди 417 предприятий, вывезенных на восток, были «Русско-балтийский вагонный завод», выпускавший легендарные «Руссо-Балты» и еще более легендарные самолеты, и верфь «Ланге и сын», с которой вышли эсминцы, воевавшие от Балтики до Каспия, от Первой мировой до Великой Отечественной. Заводы эвакуировали вместе с рабочими, а тех – вместе с семьями.

После провала всех попыток удержать Латвию в германской сфере влияния из страны массово эмигрировали немцы. В другую сторону, в Россию, в ходе войны бежали сотни тысяч человек. За все двадцать лет Первой республики Рига так и не достигла довоенного уровня населения – зато доля титульной нации в ней стала неуклонно расти.

Латвия, лишившаяся эвакуированных и разрушенных промышленных предприятий, отрезанная от российского сырья и российского рынка сбыта, сделалась преимущественно аграрной страной. Оживленная «западная прихожая» громадной империи превратилась в дальний восток Европы, «санитарную зону» вдоль наглухо запечатанной советской границы.

В современной латышской национальной мифологии Первая республика занимает ключевое место. Это место мифа о золотом веке. О потерянном рае. Оттого непросто понять, каково тогда было реальное положение дел. Ведь чем больше в латышских источниках появляется утверждений, мол, в тогдашней Латвии уровень жизни был одним из самых высоких в Европе, тем азартнее русские здешние полемисты бросаются их разоблачать и ниспровергать – местами перегибая палку в другую сторону.

Что явственно противится идеалистической трактовке – так это история первой латвийской демократии. Продержался тогдашний парламентаризм всего 15 лет. В мае 1934#го премьер-министр Карлис Улманис при помощи военных разогнал сейм, приостановил действие конституции, распустил все партии, закрыл неудобные газеты и посадил – ненадолго – в Лиепайский лагерь два десятка левых депутатов.

Шесть лет своего неограниченного правления он выдавливал нацменьшинства из госорганов и университетов, закрывал нелатышские школы, печатал свой портрет на банкнотах, выдвигал искрометные лозунги «Что есть, то есть, чего нету, того нету» и «Наше будущее – в телятах», не предпринял ни единой попытки сопротивляться присоединению Латвии к СССР и умер в 1942#м в тюремной больнице города Красноводска (ныне Туркменбаши), на краю столь далеких от латвийских лесов раскаленных Каракумов.

В 2003#м «народный вождь» Улманис победил в социологическом опросе на тему «самый выдающийся латыш в истории»; тогда же памятник ему появился в центре города, на углу бульвара Райниса и улицы Валдемара. К тому моменту уже ушел в отставку с президентского поста, отбыв на нем два срока, первый глава Второй республики внучатый племянник «вождя» Гунтис Улманис.

Пока немцы не высадились

Улманис-младший, хоть и провел детство в сибирской ссылке, при советской власти ни в какой крамоле не подозревался, в 27 лет вступил в Компартию и вышел из нее лишь в 1989#м, когда в Латвии уже вовсю говорили о независимости. Самой заметной из его политических заслуг было директорство в комбинате бытовых услуг Рижского района. Всем было ясно, что президентом Улманиса Второго в 1993#м, когда эта должность была восстановлена, выбрали за фамилию и родословную (выбрал сейм – президент здесь должность представительская). В 1940#м Латвию возглавлял Улманис и в 1993#м снова Улманис; по прошествии полувека и конституция та же, и главный праздник снова – в честь провозглашения независимости в 1918#м – 18 ноября. Ба, Джо, да ты совсем не изменился!

Основное правило здешней государственно-политической игры таково: постсоветская Латвия – это та же самая довоенная Латвийская Республика. «Отправленная в сон», как компьютер, на пятьдесят лет, а потом включенная опять. Никого не смущает даже то, что «перерыв» в латвийской независимости длиннее обоих периодов собственно независимости, вместе взятых.

При таком подходе получается, что законными гражданами «возобновленной» Латвийской Республики тогда, при возобновлении, можно было признать только граждан республики прежней – все же прочие, предки и потомки, оказались на данной территории незаконно. Именно этот тезис лежит в основе всей политической системы современного государства. Стоит ли удивляться, что оно грозит сажать тех, кто не признает факт оккупации.

События, неправильно назвав которые сейчас, я теоретически могу огрести «пятерочку», начались 23 августа 1939 года, когда в Москве был подписан Договор о ненападении между Германией и СССР. Секретные протоколы к нему (пакт Молотова – Риббентропа) разделили сферы влияния в Восточной Европе.

Латвия с Эстонией (а потом и Литва, которую Сталин «обменял» на Центральную Польшу) отходили СССР. На переговорах между Союзом и Латвией в октябре 1939#го Рига согласилась пустить в страну 25#тысячный советский военный контингент. Аналогичные договоры подписали с СССР Литва и Эстония; Финляндия – отказалась, и уже в ноябре началась Зимняя война. Формально проиграв ее и потеряв Выборг, финны, тем не менее, сохранили независимость.

В Прибалтике же появились базы Красной Армии. Карлис Улманис в своей праздничной речи по поводу Дня независимости 18 ноября сказал: «Договор о взаимной помощи с Советским Союзом укрепляет безопасность наших и его границ».

15 июня 1940#го войска НКВД устроили провокацию на советско-латвийской границе, убив несколько человек. На следующий день Москва обвинила правительство Улманиса в том, что оно не выполняет условий Договора о взаимопомощи, потребовало сформировать новое правительство и впустить в страну дополнительные войска (практически одновременно такие же ультиматумы были предъявлены Литве и Эстонии). «Оставайтесь на своих местах, а я остаюсь на своем», – сказал Улманис в радиообращении к стране 17 июня: в день, когда столь часто поминаемые впоследствии советские танки вошли в Латвию.

В Риге под личным руководством Андрея Вышинского было сформировано просоветское правительство во главе с профессором-микробиологом Кирхиншейном. Оно назначило внеочередные выборы в сейм, на которых коммунистический Блок трудового народа (единственный допущенный к выборам) получил 98 % голосов. Через неделю новый парламент единогласно провозгласил создание Латвийской ССР и принял декларацию о вхождении в СССР. Практически одновременно с Латвийской в состав Союза вошли Эстонская и Литовская ССР.

В новой советской социалистической республике были национализированы промышленность, банки и земля, хуторян согнали в колхозы. Через год после вхождения в Латвию советских войск, во второй половине июня 1941#го, была завершена операция по «изъятию антисоветского элемента». В ее рамках репрессировали 15 с лишним тысяч человек: «бывшие члены различных контрреволюционных националистических партий, полицейские, жандармы, помещики, фабриканты» и прочие отправлялись под расстрел или в лагеря, члены их семей – на спецпоселение в Сибири. Почти половину высланных составляли женщины, 15 процентов – дети младше 10 лет. Небольшой памятник сосланным детям установили в нулевых возле Рижского замка – рядом с тем местом, где при царских губернаторах возвышалась колонна в честь победы над Наполеоном, а при первых секретарях – статуя большевика Стучки. Нынешняя композиция несравненно скромней прежних.

По поводу общего числа погибших в ходе июньских репрессий 1941#го оценки встречаются разные, но в любом случае речь идет о нескольких сотнях расстрелянных и примерно пяти тысячах умерших в лагерях и в ссылке.

Те, кто едет в Юрмалу электричкой с Центрального рижского вокзала и минует станцию Торнякалнс в Задвинье, могут заметить рядом со станционным зданием старый вагон-

теплушку. Он стоит здесь в память о депортациях – в Торнякалнсе в июне 1941#го ссыльных грузили в такие вот «скотовозы».

14 июня в стране вывешивают государственные флаги с траурными ленточками – это День памяти жертв коммунистического террора. Второй памятный день с таким же названием – 25 марта: он посвящен жертвам еще более масштабных депортаций 1949 года (тогда в Сибирь выслали 42 тысячи человек). Один из самых заметных объектов в рижском **Музее оккупации** (*Latviešu strēlnieku laukums, 1*) – реконструкция внутренних помещений сибирского барака.

В том же музее выставлена книга «Baigais gads», «Жуткий год», вышедшая в Риге в 1942#м, после очередной смены власти – теперь на немецкую оккупационную. В книге описывались преступления советского режима – те, что современными латышскими историками именуются «коммунистическим геноцидом». Хотя даже эти историки отмечают, что «книга имеет выраженный характер пропаганды и выдержана в духе воинствующего антисемитизма», словосочетание Baigais gads стало в нынешней Латвии общепринятым определением периода между июнем 1940#го и июлем 1941#го. На одном из латвийских сайтов пассаж о «Жутком годе» заканчивается словами: «...пока нападение Германии на СССР не положило этому конец». В них трудно не расслышать облегчения.

Наводка:

** Сайт Латвийского музея оккупации: okupacijasmuzejs.lv*

Остланд

К «Жуткому году» отсылает название латвийского исторического фильма, нашумевшего в конце девяностых – «Baiga vasara», «Страшное лето». Действие этой довольно высокобюджетной (по местным очень скромным меркам) программно-идеологической мелодрамы разворачивается в том самом июне 1940#го – правда, русские появляются только в финале, как статуя командора в «Каменном госте». По сюжету там славный латышский парень Робертс влюбляется в Изольду, славную барышню из балтийских немцев – как раз накануне ее репатриации в рейх.

В октябре 1939#го – после того как СССР, «получив» Прибалтику по пакту Молотова – Риббентропа, вынудил три страны впустить советские войска – Германия заключила с Латвией договор о репатриации здешних немцев. Переселяли не только латвийских – всех остзейских. Уезжать их силой не заставляли, но всячески побуждали и запугивали последствиями в случаеслушания. Председатель Немецкого народного объединения Латвии объявил, что оставшиеся «на веки вечные отрываются от германского народа». Инициатива по переселению принадлежала Берлину, но латвийскими властями процесс тоже поощрялся, а рижский министр велел судам в приоритетном порядке рассматривать дела о разводах – чтоб латыши побыстрее избавлялись от немецких родственников.

Лишь за несколько месяцев 1939#го из страны уехало 45 тысяч немцев – побросав почти все имущество, не влезшее в пару чемоданов, и за копейки продав бизнес и недвижимость (а ее в Риге немцам принадлежало почти 40 процентов). Латвийские власти тем временем меняли немецкие географические названия и публиковали рекомендации, на какую латышскую фамилию менять прежнюю немецкую. К моменту пресловутого въезда в Латвию русских танков семисот-с#лишним-летняя история остзейских немцев закончилась. Последние потомки основателей и строителей Риги покидали ее второпях, запуганные и фактически ограбленные.

В фильме «Страшное лето» фройляйн Изольда уплывает на пароходе, а оставшегося Робертса в первый же день оккупации прошивает очередью из «ППШ» горилла в советской военной форме.

Закадровая судьба Изольды, скорее всего, была трагична. Вывезенными из Латвии арийцами Гитлер заселял уже захваченную к тому времени Западную Польшу. В 1945#м им и оттуда пришлось уезжать – в раскатанный по камешку фатерланд.

Впрочем, в истории немецкой Риги есть еще одна, теперь уже точно последняя – но самая страшная глава. Из этого города, столицы рейхскомиссариата Остланд, координировалось окончательное решение еврейского вопроса и борьба с партизанами на территории всей Прибалтики и большей части Белоруссии. В Латвии за три с небольшим года уничтожили девяносто с лишним тысяч евреев: своих и специально привезенных. Это не считая коммунистов и сочувствующих, советских военнопленных, цыган, душевнобольных. Значительную часть работы взяла на себя латышская вспомогательная полиция – местные шуцманы активно использовались и в карательных антипартизанских акциях в РСФСР и Белоруссии. В 1943#м был создан Латышский добровольческий легион СС, воевавший с Красной Армией вплоть до капитуляции Германии. *(Подобнее о Холокосте в Латвии – в главе «Эхо войны. Рига времен рейхскомиссариата Остланд».)*

Были латышские национальные формирования и по другую сторону фронта. Первой советской дивизией, сформированной по национальному признаку, стала 201#я стрелковая Латвийская, воевавшая под Москвой и Старой Руссой (потом, преобразованная в 43#ю гвардейскую Латышскую Рижскую, будет участвовать в разблокировании Ленинграда и освобождении Риги). Были в Латвии и силы, пытавшиеся бороться и против нацистской Германии, и против СССР. Но если представить идеализированный образ латыша в его современной версии, эдакого Робертса из «Страшного лета», избежавшего русской пули в 1940#м, то в советской форме он, конечно, непредставим. В легионерской – пожалуй.

Возможно, Робертс даже оказался бы в легионе не по принуждению (как очень многие латыши, поставленные перед выбором: либо на оборонные работы, либо в легион, где по крайней мере хорошо кормят), – возможно, он пошел бы туда по идейным соображениям, поверив, что Гитлер даст Латвии государственность, как Словакии или Хорватии. Конечно, он бы быстро понял, что его, как и прочих латышей с обеих сторон фронта, используют злые силы, но, верный присяге, продолжал бы безнадежную борьбу вплоть до 1945#го. Тогда его судьба могла бы сложиться по-разному. Воюя он в 1#й латышской дивизии СС (15#я гренадерская), отступил бы в Германию, в Шверине сдался бы американцам, уехал бы в Канаду и умер на чужбине. Попади Робертс во 2#ю латышскую дивизию (19#ю гренадерскую), оказался бы в Курляндском котле, сдался советским войскам, отправился бы в Сибирь, по возвращении до конца жизни скрывал бы прошлое – если бы, конечно, не дожил до независимости, когда Курляндский котел стали величать Курземской крепостью и трактовать как пример стойкости «национальных воинов», державших оборону даже после падения Берлина.

Но мне при разговоре о латышах-ветеранах всегда вспоминается история, услышанная мною от внука гвардии старшины, полкового разведчика, снайпера с личным боевым счетом 116, единственного латыша – полного кавалера орденов Славы, участника московского Парада Победы в 1945#м. Уже во времена независимости, когда в Латвии советские ордена не были поводом для гордости, Янис, гвардии старшина, лежал в одной больничной палате с тремя такими же пожилыми соотечественниками. Все трое, как выяснилось из разговоров, были ветеранами Латышского легиона. Пока те увлеченно и гордо вспоминали свои военные подвиги, Янис отмалчивался. «А ты-то воевал, Янка?» – дружески спросили соседи, полагая, что если латыш и воевал, то тоже против русских. «Нет, – ответил он, – по здоровью не взяли». Легионеры понимающе покачали головами: «Ну, жаль, что мы с тобой на фронте не встретились». «Да, – задумчиво согласился знаменитый снайпер, – действительно, жаль».

Дом на углу

Сравнительно небольшой Риге досталась столь бурная история, что город – во всяком случае, центр – буквально пропитан ею. Множество обычных с виду домов, мимо которых десятилетиями пробегаешь по делам, при внимательном рассмотрении оказываются наглядными историческими пособиями. Уже упоминавшиеся здания-соседи на углу Райниса и Реймерса строились как доходные дома – каковыми и пробыли до второй половины 1930#х.

Но если при демократии на этой недвижимости делали бизнес, то при бюрократической диктатуре здесь обосновались чиновники – во времена Улманиса Первого, когда количество делопроизводителей резко увеличилось, оба здания откупили в казну и разместили в них департаменты расширившегося Министерства земледелия. При нацистах сюда вселились полиция и СД. После освобождения Риги в 1944#м их в полном соответствии с официальным тезисом о чередѣ оккупаций сменили следователи НКВД. Правда, к тому моменту зловещая аббревиатура звучала уже иначе – отпочковавшийся от народного комиссариата внутренних дел народный комиссариат госбезопасности въехал в другое знаменитое впоследствии здание, на улице Бривибас (тогда Ленина), 61. На Райниса же с тех пор квартировала милиция. Легенда со ссылкой на старого следователя повествует о том, как в первые послевоенные годы милиционеры привозили сюда из Рижского централа профессиональных «медвежатников» – вскрывать оставшиеся от нацистов сейфы.

Отмечено здание на бульваре Райниса, 6 (*Raiņa bulvris, 6*) и в хрониках последних месяцев советской власти. Во второй половине 1990#го – первой половине 1991#го, после того как латвийский Верховный совет уже провозгласил независимость, но союзное начальство во главе с Горбачевым еще держалось, в Риге сохранялось двоевластие – насильственные эксцессы той поры потом войдут в анналы как эпизоды борьбы за независимость.

Самым известным и кровавым из них (из тех, что имели место в самом городе) был штурм рижским ОМОНОм в январе 1991#го здания республиканского МВД. ОМОН сохранял верность союзному министру внутренних дел (им, кстати, в тот момент работал бывший первый секретарь ЦК компартии Латвии, будущий член ГКЧП Борис Пуго), местная милиция – мятежному республиканскому руководству.

По поводу того, что именно случилось в ночь с 19#го на 20#е января, существуют разные версии, но в завязавшейся на бульваре перестрелке и в ходе штурма здания МВД были убиты двое лояльных Латвии милиционеров, двое кинооператоров#документалистов из группы Юриса Подниека (автора знаменитого перестроечного фильма «Легко ли быть молодым») и случайный школьник. Близ мест гибели всех пятерых, в парке у Бастионной горки, позже установят памятные камни – и плюс к ним камень с именем водителя, застреленного омоновцами в те же окайнные дни в окраинном Вецмилгрависе.

Но куда более легендарным сделался в советские времена другой дом на другом углу. Тридцать лет назад, когда рижанин слышал это словосочетание – «Дом на углу», ему не надо было пояснять, о каких улицах речь. Для него это словосочетание звучало как для ленинградца «Большой дом». По уже упоминавшемуся адресу Ленина, 61 располагался республиканский КГБ.

Помпезная и манерная шестизэтажка, построенная в золотой для Риги период (1912 год), когда такими же пышными доходными домами в стиле модерн размахисто застраивалось то, что теперь называется Центром, – еще одно здание – учебник истории. Возводили ее на углу Александровской и Столбовой: в те времена надрывного гламура и непрочной стабильности в новостройке селились нувориши, а на первом этаже продавали свежие пармские фиалки.

Не до фиалок станет уже через пару лет, а в 1919#м, во время пятимесячного большевистского правления, в роскошном доме поселится Военный Революционный комитет – построившего здание архитектора Александра Ванагса (звезду нулевых и десятых годов прошлого века: 70 проектов капитальных жилых зданий!) расстреляют тогда за «контрреволюционную деятельность».

В «жутком году» шестизэтажку прозовут «самым высоким домом Латвии» – мол, из его окон видна Сибирь: в 1940#м сюда въедут чекисты, а в подвалах начнут стрелять в затылок. Еще через пару лет «на углу» – теперь это угол Адольф-Гитлер-штрассе и Зойленштрассе – поселят марионеточное самоуправление из местных коллаборационистов.

Следующий этап – самый долгий: угол Ленина и Энгельса, советская госбезопасность. «Рижане обходили Угловой дом стороной, не поднимая лишний раз глаз, даже тогда, когда оказывались в модном магазине «Сыры», располагавшемся на противоположной стороне Ленина», – писал экс-рижанин Александр Генис, вспоминая свою встречу в «Сырах» с Ульяной Семеновой, легендарной баскетболисткой рижской команды ТТТ. Теперь-то это все одинаково баснословное прошлое: всемирная баскетбольная слава клуба ТТТ (что означает «Трамвайно-троллейбусный трест»), «Советский камамбер», ничем, кроме названия, не отличавшийся от сырка «Дружба» (по словам того же Гениса), зловещая Контора Глубокого Бурения.

Но дом не поменял специализации даже когда улица, на которой он стоит, вновь обрела имя Свободы (Бривибас), а перпендикулярная ей – дореволюционное, но в латышском варианте: Стабу (stabs – столб). С первой половины девяностых и до конца нулевых Угловой давал кров центральному аппарату Госполиции, в его подвальных камерах все так же содержались важные подозреваемые, а однажды пару суток провел один из самых богатых людей страны – мэр Вентспилса Айварс Лембергс, имевший шанс стать, но не ставший латвийским Ходорковским.

Роковым для здания стал тот же год, что и для странного латвийского процветания образца нулевых – 2008#й. Отъезд Госполиции в новую резиденцию с кризисом связан не был, но следующие полдюжины лет Угловой дом простоял пустым и ветшающим, символизируя экономическую и всякую иную безнадёгу.

В 2014 году, когда Ригу назначили культурной столицей Европы и выделили под это дело специальный бюджет, в доме открыл временные экспозиции Музей оккупации, а в подвальные застенки стали водить платные экскурсии. Хотя культурный год вместе с бюджетом закончился, «музей КГБ» в Угловом доме (*Brīvības, 61*) надеются открыть на постоянной основе.

Среди его экспозиций была одна под названием «Чемодан латыша». Ее очень точно найденная тема – ключ к истории Латвии и Риги XX, да, пожалуй, и XXI века. Это тема вынужденного отъезда. Разве что «латыш» в названии сильно тему сужает – тем более что экспозиция рассказывала и о немцах, добровольно-принудительно репатриированных в 1939–1940 годах, и о советских евреях, уезжавших из Риги в 1970–1980#х. История города в прошлом и нашем веках – это история бегства: из Риги массово бежали во время Первой и Второй мировой, бежали от советской и от нацистской властей, уезжали от первой и второй редакций национального государства.

«Чемодан латыша», конечно, никто бы не стал дополнять «Чемоданом русского» – а напрасно: о десятках тысяч уехавших из Латвии в девяностых тоже ведь есть что рассказать, и человеческих драм там было немало. Да и о чемоданах тех, кто сейчас ежегодно покидает страну в количестве все тех же десятков тысяч – уже без связи с национальностью и политикой (во всяком случае, без прямой связи): о них тоже когда-нибудь, наверное, будут делать выставки.

Баррикады и бюрократы

В прибалтийских странах период, предшествовавший развалу Советского Союза и обретению независимости, называют еще «Песенной революцией» – тогдашние акции протеста сопровождалось пением народных песен. В Латвии их – песен – строго говоря, было больше, чем революции: власть сменилась относительно мирно, после провала августовского путча в Москве союзное руководство признало латвийскую независимость, декларацию о которой здешний Верховный совет (большинство в нем на выборах получил Народный фронт) принял еще в мае 1990#го. Но всякому молодому государству нужна героическая предыстория – поэтому ежегодно в январе в Риге проводятся мероприятия «памяти баррикад», а между Ратушной и Домской площадями постоянно работает **Музей баррикад** (*Krāmu, 3*).

Баррикады из бетонных блоков и грузовой техники, возведенные в январе 1991#го, были призваны защитить латвийские органы власти и телевидение от лояльных союзному руководству силовиков. Но Горбачев добро на подавление крамолы не дал, никто здешний Верховный совет и Совмин не тронул – только упоминавшийся рижский ОМОН предпринял ряд хаотичных и совершенно бессмысленных акций, включая штурм МВД. Без массовых жертв, к счастью, обошлось, но коллективное дежурство энтузиастов независимости у баррикад в свете костров вспоминается ими теперь как пример романтического единения, эдакий бескровный «майдан».

Я хоть на баррикадах не стоял, помню их неплохо – так как проходил мимо них в те дни (считающиеся ныне судьбоносными – хотя все решилось вовсе не в январе в Риге, а в августе в Москве) по пути на трамвай, отвозивший меня в русский гуманитарный лицей. Помню уверенные лица защитников демократии – и собственную растерянность. Даже пятнадцатилетний лицеист догадывался, что идея, вдохновляющая стояльцев, русской филологии в Латвии больших перспектив не сулит.

В XX веке два драматических перелома в судьбе города были связаны с мировыми войнами. Но ему предстоял еще и третий.

Во времена СССР Рига была промышленной столицей Прибалтики и самым «русским» ее городом. Так что послереволюционные перемены травмировали в ней больше народу, чем где бы то ни было. Ни один прибалтийский город не вырос (в плане населения) так за советские полвека – вчетверо. И ни один не понес за постсоветские четверть века таких потерь – значительно превосходящих военные.

В 1990 году население города составляло 909 тысяч. В 2014#м – только по официальной статистике 701 тысячу, а в частной беседе сотрудница Рижской думы признавалась мне, что реальная цифра гораздо меньше: тысяч на 50–70. Этот демографический убыток почти вдвое превышает тот, что понесла Рига за годы Второй мировой – в ходе репрессий 1940#го, нацистского террора, мобилизаций, бегства от наступающей Красной Армии и т. д. (Еще для сравнения: население второго по величине прибалтийского города, Вильнюса, за время независимости уменьшилось примерно на 40 тысяч.)

Западная витрина Союза должна была выглядеть образцово – и крупнейшему городу Прибалтики уделялось особое внимание. Даже метро, в нарушение общесоюзных норм, у нас собирались строить, не дождавшись достижения Ригой статуса «миллионника». Как раз строительство подземки, почти уже было начатое, вывело на улицу в разгар перестройки «национально мыслящих» демонстрантов: и так латышский язык в латвийской столице не услышишь, а тут еще и метростроевцы понаедут! Теперь-то население сократилось настолько, что никакой подземки не надо.

Мне встречалось утверждение (сам не ручаюсь, хотя похоже на правду), что к моменту распада СССР в Латвии доля титульной нации была наименьшая во всем Союзе, кроме Казахстана. В Риге латыши – и это уже точно – составляли в 1980#х меньше половины населения. Зато в 1990#х во всем мире, вероятно, не было города с таким же, как в Риге, процентом жителей без гражданства.

Образцовый советский город обязан был обладать передовой индустрией. В конце восьмидесятых в промышленности было занято 200 тысяч рижан. Уже к середине девяностых их число сократилось на девять десятых. Во времена Союза в Латвии развивали высокотехнологичные отрасли – радиоэлектронику, микроэлектронику, машиностроение. Производящая микросхемы, магнитолы, телефоны, микроавтобусы, она была эдакой «советской Японией» (с поправкой, разумеется, на советское качество продукции) – именно эти предприятия были в Риге самыми крупными. И именно им в 1990#е пришлось хуже всех. Ничего такого мы давным-давно не производим: ни радиоэлектроники, ни «рафиков». Успешнее выживали наименее наукоемкие отрасли – пищевая промышленность и деревообработка.

Ссылки на общую неэффективность советской индустрии (несомненную) убеждают не слишком: судьба промышленности в разных бывших республиках сложилась совершенно по-разному. Глубина деиндустриализации Латвии впечатляет даже на фоне ближайших соседей: к концу девяностых в списке крупнейших предприятий стран Балтии на 18 литовских и 15 эстонских приходилось 6 латвийских.

У нынешних рижан название «Альфа» ассоциируется исключительно с торговым центром на Бривибас – и уже немногие помнят, что располагается он в бывших цехах гордости союзной промышленности, выпускавшей приборы для космической отрасли. Трехбуквенная аббревиатура ВЭФ, некогда известная на пространстве от Калининграда до Петропавловска-Камчатского, сейчас звучит только в связи с концертами в ДК «ВЭФ». От «Радиотехники» не осталось даже названия: на просторах ее бывшего гигантского цехового корпуса в Иманте затерялся лишь финский супермаркет «Prisma». Рядом – норвежский супермаркет «Rimi»: одни старожилы знают, что стоит он на месте сравненного с землей советского приборостроительного завода «Эталон».

Разумеется, в Латвии действовали все те же факторы, что и на прочем постсоветском пространстве в 1990#е. Местные журналисты подробно писали, как банкротили заводы и кто из политиков и олигархов на какой из «схем» нажился. Но была у нас и своя специфика – Латвия курс на деиндустриализацию взяла сознательно и никогда этого не скрывала. Одна из любимых тем для рассуждений здешних политиков и хозяйственников в 1990#е: заводы-де в Риге строила оккупационная власть – для того чтобы завозить на них рабочую силу из других республик и осуществлять таким образом колонизацию. Среди русскоязычных доля занятых в промышленности и впрямь была выше, чем среди латышей, – русское население преимущественно городское, это на селе даже в советские времена с языком межнационального общения было неважно.

Но когда ликвидировались советские учреждения и останавливались заводы, работы лишались, конечно, не одни гражданские оккупанты. Вот только для оказавшихся на улице нацкадров предусмотрели нишу, закрытую для большинства русских. Латыши в массовом порядке пошли в чиновники.

Сфера управления была недоступна для неграждан и для недостаточно перфектно владеющих государственным языком. Служба в бесчисленных департаментах стала привилегией, которой наделяли де-факто по национальному признаку, убежищем «для своих» в хаосе 1990#х. Количество чиновников росло, они сделались элитой государства и монополизировали политику – тоже закрытую для неграждан (то есть в 1990#х – для большинства нелатышей). Одни и те же персонажи годами и даже десятилетиями кочуют из партии в пар-

тию, из департамента в департамент, из министерского кабинета в зал заседаний сейма и обратно, потом в кресло Европарламента и т. д.

В Латвии нет какой-то одной партии с «руководящей и направляющей ролью», нет пожизненного вождя и учителя. Но в Латвии есть каста, находящаяся у власти уже почти 25 лет – националистическая бюрократия. Из нее выходят – или наоборот, придя со стороны, в нее вливаются – политики, внутри ее интенсивно почкуются и сливаются партии, тасуются и раздаются министерские посты.

По утверждениям СМИ, 90 процентов работников госсектора – латыши. До катастрофического кризиса 2008-го в маленькой стране было порядка 200 тысяч чиновников – то есть в департаментах работал каждый десятый ее житель. А если учесть деление населения по национальному признаку (примерно 65 процентов латышей, остальные в основном русскоязычные) и упомянутую долю титульной нации среди чиновников, то получается, что в латышской общине бюрократическую карьеру делали трое из двадцати. В столичной Риге этот процент, понятно, был много выше.

В кризис сокращать пришлось даже госслужащих – но сложившихся за десятилетия принципов формирования латвийской власти тогдашние катаклизмы ничуть не поколебали. Бюрократия не заинтересована в развитии производства и вообще бизнеса – в утолщении экономически самостоятельной прослойки. К тому же бюрократия эта – правая, она привлекает избирателя обещаниями борьбы с русской угрозой, а не социальных гарантий. В итоге размеры пенсий и социальных пособий в Латвии и странах «старой Европы» различаются во много раз, а то и во много десятков раз. В условиях открытых границ Евросоюза это приводит к тому, что ежегодно из Латвии уезжает на Запад целый волостной центр, вроде Тукумса. А по другим данным – вместе с подведомственной волостью.

Наводка:

* *Сайт Музея баррикад – barikades.lv*

История с топографией

Пестрая и напряженная история Риги крайне наглядна. Ее можно изучать по карте города. Вот его сердце – небольшой пятачок Вецриги, Старой Риги, Старушки, включенной в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Здесь, при впадении в Даугаву давно не существующей речки Ридзене (она дала название городу) все началось в первом году XIII столетия, когда бременский епископ Альберт приобрел у язычников#ливов кусок земли. Старая Рига – памятник немецким векам в истории города: памятник, вопреки впечатлению многих туристов, не столько архитектурный, сколько планировочный. О западноевропейском Средневековье напоминает скорее конфигурация улиц, чем дома на них – слишком бурной жизнью жила Рига в последующие столетия, слишком часто ломала и строила, чтобы в ней сохранилось так уж много подлинных средневековых зданий. Но сохранились – самые важные и заметные, по сей день определяющие открытый облик города. Домская площадь появилась только во второй половине XIX века, но Домский собор стоит со времен Альберта.

Старая Рига – это епископы-миссионеры и рыцари-крестоносцы, это готландское право и Ганзейский союз, инквизиция и Реформация. Это латынь под готическими сводами и немецкий в купеческих складах с треугольными фасадами.

Как и положено средневековому европейскому городу, Рига была окружена крепостными стенами. Старушка – это то, что веками находилось внутри их. Когда разрастающийся городу стало тесно, а оборонительное значение в эпоху артиллерии старые стены утратили, их частично разобрали на стройматериалы, а частично включили в конструкцию новых домов – на улицах Мейстару (Мастеров) и Калею (Кузнечная) сохранились здания с одно-

скатными крышами: их тыльные стены – бывшие крепостные. С XVI века Ригу обороняли – в соответствии с тогдашней фортификационной наукой – новые земляные валы с бастионами. Шведы в период своего владения городом модернизировали их, превратив Ригу в одну из мощнейших крепостей Европы.

Говорят, Петр I во время своего визита в город в составе Великого посольства зарисовывал план Риги, но бесцеремонные скандинавы выставили его за ворота, отобрав все записи. Оскорбленный царь объявил шведам войну и после упорной осады вернулся в Ригу хозяином города.

Он когда-то там и восседал – как раз на бывшей линии валов, в начале Бривибас, в разрыве бульварного кольца, протянувшегося вдоль городского канала: бронзовый, на коне. Бульвары разбили в середине XIX века, срыв укрепления. Трехкилометровый Городской канал, по которому туристов нынче катают на лодочках, – остатки оборонительного рва. Статую Петра эвакуировали во время Первой мировой, а при Улманисе-старшем на ее месте вырос памятник Свободе.

Рига периода Российской империи начинается с внешней стороны бульварного кольца. Здесь и впрямь ощутим имперский дух – регулярная прямоугольная планировка, мощные нарядные здания, сотни фасадов в пышном стиле модерн (или, на более привычный рижанам немецкий манер, – *югендстиле*). То, что зовется просто Центр, осталось от эпохи беспрецедентного роста города во второй половине XIX и начале XX века, когда один из главных западных портов гигантской державы сделался по-имперски космополитичен: среди классиков рижского югендстиля – латыши, немцы, поляк Макс Шервинский, литовский еврей Пауль Мандельштам и петербуржец Михаил Эйзенштейн. Тогда же эти импозантные кварталы опоясала дуга промзон – своему росту и богатству Рига была обязана успехам первого русского капитализма.

Центр и внешнее индустриальное полукольцо – это гроза двенадцатого года (в Центре есть памятник курляндскому немцу Барклаю де Толли) и оборона Севастополя (в Центре был бульвар имени курляндского немца Эдуарда Тотлебена), Александр Благословенный (главная улица Риги первоначально называлась Большой Александровской в его честь) и Александр Освободитель (он первый приложил августейшую руку к срытию городских валов и повелел выделить средства на строительство Христорождественского кафедрального собора), это один из первых в мире танков (созданный на рижском Русско-Балтийском заводе) и легендарный самолет «Илья Муромец» (построенный легендарным Сикорским на том же предприятии).

И все-таки ничего узнаваемо российского в городе, два века прожившем в Российской империи, нет. За исключением одного района – юго-восточнее Старушки, за Центральным рынком и высоткой Академии наук лежит Московский форштадт, в просторечии Москачка. Не похожая ни на европейский центр, ни на советские окраины, она, впрочем, среди рижан всегда была более всего знаменита своими гопниками, а в последние десятилетия еще и наркоторговцами. Но здесь, среди трущоб, местами колоритных, но куда чаще безобразных, сохранились уголки, которые, не зная, ни за что не примешь за Ригу, зато за дореволюционную Калугу – запросто.

Но сюда турист добредает нечасто; если уж удаляться от центра, то скорее на северо-восток, в направлении Кишэзерса, или Кишозера. Там, на пути к приятному во всех отношениях Межапарку, что справедливо переводится как «лесопарк», находится Братское кладбище – знаковое в разных смыслах место, оформленное в 1920–30-е знаменитым скульптором Карлисом Зале. Его монументальная торжественная манера ассоциируется с временами межвоенной Латвийской Республики: в первую очередь речь, конечно, о памятнике Свободе. Под стать этой мощной суровой скульптурной стилистике и здания, возведенные тогда

же, при улманисовской диктатуре, – вкрапления угловатого «тоталитарного классицизма» в старинную тесноту Вецриги и нарядные кварталы Центра.

Ну а по периметру окраин разбросаны щедрыми кляксами панельные жилмассивы 60#х, 70#х, 80#х. Это Рига позднесоветская, практически не отличимая от любого города, встретившего эпоху развитого социализма в составе Советского Союза или Варшавского блока: от Восточной Германии до Дальнего Востока. Преданные ныне анафеме 47 лет «второй советской оккупации» были вторым в истории города периодом ударной индустриализации и стремительного роста – так что эти однообразные кварталы серийных пяти- и девятиэтажек занимают добрую половину городской площади, и живет в них добрая половина рижан.

После вторичного обретения независимости массового строительства в столице не велось (население, как и было сказано, не росло, а стремительно сокращалось) – но в «тучные» нулевые, когда здешний рынок недвижимости накачивался спекулятивными методами, чтобы со страшным шумом лопнуть в 2008#м, в разных местах Риги успели вымахать побеги точечной застройки.

Так за восемь веков сложился этот диковинный узор. Карта города, где Запад и Восток, Германию и Россию, европейское Средневековье и XI пятилетний план разделяют считанные километры.

Глава 4. Минус дает плюс. Устройство Риги

Ориентация на местности

Драматические события XX века, покончившие с двумя гигантскими евразийскими империями – Российской и Советской, – не дали Риге превратиться в мегаполис, на что у нее были все шансы. Помимо отрицательных последствий (провинциализации) это имело и положительные: тот город, что получился в итоге, удобен и для постоянного проживания, и для кратковременного отдыха. Например, он относительно невелик. В восемь раз уступающая Москве по площади латвийская столица имеет внятную планировку и не обещает проблем с перемещениями.

Передвигаться по Риге тем более просто, что многим туристам (особенно приехавшим ненадолго) не приходится даже пользоваться транспортом – кроме разве что дороги из аэропорта и обратно. Львиная доля достопримечательностей сосредоточена в Старом городе, а на то, чтобы пройти его насквозь неторопливым шагом, хватит минут двадцати. Большинство гостиниц всех пошибов находится опять-таки в Старушке или в Центре – на расстоянии километра, максимум двух от нее – то есть тоже в пределах пешей доступности. Здесь же, на вполне обозримом пространстве Центра, – парки для прогулок (Верманский, Эспланада, парки Кронвалда и Виестура, бульвары вдоль Городского канала) и россыпи знаменитого рижского модерна-югендстиля.

Даже тем, кому наскучил город, чтобы выбраться за его пределы – в Юрмалу, Сигулду, Цесис, – далеко идти к вокзалу не придется: до **Привокзальной площади** (*Stacijas laukums*) от Вецриги несколько сотен метров. Автовокзал – и вовсе напротив Старушки, надо лишь пересечь улицу 13 января (*13. janvāra iela*). Сразу за автовокзалом, на другой стороне канала – Центральный рынок (см. главу о латвийской кухне), рижская достопримечательность не из последних: в одном только рыбном павильоне можно оставить если не сердце, то немалую часть содержимого кошелька.

История города сложилась так, что самая старая, ценная и живописная его часть – немецкая. А лицедейское мастерство Риги, умение разыграть в определенных декорациях соответствующую пьесу позволило в пределах Старушки и отчасти прилегающего центра эту самую Германию воспроизвести. Близко к сегодняшнему оригиналу. Ну, по крайней мере, обобщенную Западную Европу – опрятную, нарядную, комфортабельную. С элегантными кофейнями и претенциозными виски-барами, с молодежными хостелами и буржуазными гостиницами. Словом – идеальную среду для туристов.

В границах совсем маленького Старого города концентрация иностранцев максимальна: и россиян, и немецких пенсионеров, и британских гуляк. Но за пределами Центра туристу делать практически нечего. Там минимум достопримечательностей – да и Европой практически не пахнет. А уж многочисленные спальные районы Риги – это типичные спальные районы постсоветского пространства.

Опять же: каковы декорации, таково и действо. Если Центр – мир западноевропейских кафе с седыми немцами и пабов с хмельными англичанами, то окраины – мир постсоветских районных шалманов и ночных «наливаек» с соответствующей публикой. Это, конечно, не значит, что панельные жилмассивы совсем уж депрессивны и затрапезны – одни более, другие менее. Речь о том, что европейская Рига, в которую едет большинство туристов, которую они видят первым делом и кроме которой часто не видят ничего, – это лишь очень небольшая часть Риги.

Вся «Европа» – на правом берегу Даугавы. Здесь и Вецрига, и прочий Центр; впрочем, множество спальных районов тоже тут: Кенгарагс, Плявниеки, Пурвциемс, Югла, Вецмилгравис. Левобережье – Задвинье, Пардаугава (*Pārdaugava*) – когда-то было дачной окраиной Риги, когда-то промышленной, но полноценной частью города начало становиться в лучшем случае к концу XIX века, а планомерно и массированно застраивать его стали и вовсе в советские времена. Не то чтобы здесь совсем уж нечего было делать – с левого берега открывается хрестоматийный, открыточный вид на Старую Ригу, да и ряд менее хрестоматийных, но не менее живописных мест: здесь и Памятник освободителям, и «атмосферный» парк Аркадия, и замерший на полпути из заброшенного в элитные остров Кипсала – но все это не места для первоочередного посещения. Большая же часть Задвинья застроена типовыми блочными домами трех последних десятилетий советской власти (микрорайоны Иманта, Ильгюциемс, Золитуде, Зепниекалнс, Болдерая) – неудивительно, что Пардаугава считается более «русской» частью города.

Наиболее очевидный повод выбраться за пределы Центра – уже упоминавшийся **Межапарк** (*Mežaparks*, или, как ласково зовут его русские рижане, Межик). Лесопарк на берегу Кишозера – место не только чрезвычайно приятное, но и отчасти достопримечательное. Рижские патриоты утверждают, что Межик, изначально носивший августейший титул Кайзервальд (*Kēizarmežs*, Царский лес), был первым в Европе элитным пригородом, созданным по единому плану коттеджным поселком. Спланировал его в начале XX века Георг Куфальдт, немецкий ландшафтный архитектор, приложивший руку к созданию всего паркового пояса Риги (а здешняя зеленая зона – предмет обоснованной гордости горожан).

Когда едешь в Межапарк 11#м трамваем (что удобнее всего), по обе стороны проспекта Кокнесес (*Kokneses prospekts*) тянутся импозантные виллы постройки первых десятилетий прошлого столетия. На остановке у зоопарка (*Zoologiskais dārzs*) имеет смысл выйти – здесь и сам Рижский зоопарк, открытый больше века назад, в 1912#м, и аллея, ведущая к Большой эстраде, где раз в пять лет бушует Праздник песни (см. главу «Экзотика ближнего зарубежья»), и к озеру.

Рассказывают, что после Великой Отечественной Иван Баграмян, будущий маршал, живший в Межапарке (он командовал Прибалтийским военным округом, штаб которого находился в Риге), катал по выходным соседскую детвору на роскошном трофейном «Мерседесе». Еще мой отец в отрочестве работал помощником машиниста на знаменитой Детской железной дороге имени Красных латышских стрелков, что проложена была в Межике, да и я в своем детстве успел на ней поездить – но девяностые она, как и многое из советского наследия, не пережила.

Наводка:

* Сайт Рижского зоопарка – rigazoo.lv

Транспорт

Даже тем, кому придется пользоваться в Риге транспортом, трудностей это не доставит и много времени у них не отнимет. Дорога автобусом/трамваем от центра до окраинных районов редко занимает больше получаса, на такси – еще раза в полтора меньше. Демографические убытки последних десятилетий, как и многие другие проблемы Риги, оборачиваются преимуществами для гостя: здесь достаточно умеренный трафик и редки совсем уж глухие пробки; по сравнению с Москвой – так и вовсе транспортный рай. От некоторых москвичей мне даже приходилось слышать лестное мнение, что пробок у нас нет вовсе – это, конечно, преувеличение: застрять на одном из немногочисленных мостов (автомобильных

всего четыре) через Даугаву в час пик дело обычное. Но к числу по-настоящему проблемных в плане трафика городов латвийская столица никак не относится.

К тому же в ней неплохо развита система общественного транспорта: автобусы, троллейбусы, трамваи, маршрутки. Расписание в целом соблюдается, и узнать его не составляет проблем: оно висит на каждой остановке и представлено на удобном сайте компании «Rīgas satiksme», имеющем русскую версию (см. ниже). Стоимость одной поездки – 1,15 евро.

Во всех видах рижского общественного транспорта, кроме маршруток, используются электронные билеты («э#талоны») на любое число поездок – купить их можно в любом из многочисленных киосков «Narvesen», «Preses apvienība», в кассах «Rīgas satiksme» и специальных автоматах на некоторых остановках. «Э#талон» следует приложить к считывающему устройству. Можно и просто купить разовый бумажный талончик у водителя – но такой обойдется дороже (2 евро). Подробная информация есть на том же сайте «Rīgas satiksme», да и всегда можно проконсультироваться у продавца в киоске. Контролеры ходят не так чтобы часто, но и не так чтобы совсем редко.

Впрочем, рижская голь на выдумку хитра: когда в начале 2015#го городская дума подняла цену на проезд (до того она была 0,70 евро), местные анонимные стартаперы немедленно разработали мобильное приложение Zakiem.lv («Зайцам»), вычисляющее места охоты контролеров (да еще и завели соответствующие странички в «Twitter» и «Facebook»). Приветствующая электронные технологии Дума в данном случае, понятно, радости не выказала.

На такси доехать из центра в спальный район обойдется в зависимости от тарифов фирмы от 10#ти до 15#ти евро (ночью подороже). В аэропорт – те же ориентировочные 15 евро минут за двадцать пути. Кстати, частный извоз здесь не практикуется – в Риге не стоит голосовать на тротуаре в расчете на то, что остановится если не первая, то вторая попавшаяся машина.

Просто и быстро можно добраться не только до большинства районов города, но и в самый популярный у туристов пункт за его пределами – в курортную Юрмалу. Юридически это другой город, фактически – пляжный пригород Риги. Из своего района в Задвинье до ближайшей пляжной станции я на электричке еду минут 12 – вдвое меньше, чем до Старушки. Но даже из рижского центра до центра юрмальского добираться не дольше, чем до столичных же спальных районов. Путь с Центрального вокзала («Rīga pasažieru», «Рига Пассажирская») до станции Майори («Majori») займет полчаса и обойдется в 1,40 евро. Расписания и цены доступны на русском языке в Интернете (см. ниже).

Наводки:

* *Городской общественный транспорт: сайт «Rīgas satiksme» (расписание общественного транспорта, планировщик маршрутов, разновидности билетов, места их продажи и т. д.) – www.rigassatiksme.lv*

* *Пригородные поезда: сайт «Pasažieru vilciens» (расписание электричек и дизелей, цены на билеты) – www.pv.lv*

* *Единая служба вызова такси: +371 8808*

* *Телефоны и тарифы таксомоторных компаний можно найти на справочном сайте «Узнай Латвию» – know.lv*

Меньше народу – больше кислороду

Другой пример того, как драма города обернулась на пользу и жителям, и гостям: крах рижской – и вообще латвийской – промышленности сильно улучшил экологическую обстановку в столице и стране. Бобры, например, расплодились до такой степени, что стали источником проблем не только за городом, но и в самом его центре. Грызуны, поселившиеся пару

лет назад в Городском канале, обглодали деревья на прилегающем бульваре так, что те чуть не попадали на троллейбусы. Погрызены были даже деревянные скамейки. Что характерно, никаких репрессивных мер городские власти не обсуждали – большинство дискутируемых способов борьбы с напастью касались увеличения доз корма (зубастые вредители еще и находились на иждивении у Рижской думы). А мэр Ушаков хвастался в соцсетях собственными фотками в обнимку с толстеньким бобром.

Грызунам есть где разгуляться – Рига зеленый город. Парки имеются и в центре (парадный и людный Верманский, обаятельно-меланхоличный сад Виестура), и в Задвинье (безбрежный Узварас, уютная Аркадия – «Аркашка»). Тем более на окраинах: там обширные лесопарки. В самом обыкновенном спальном районе Задвинья, где я живу, два леса: один поменьше и поцивилизованней, с фонарями и детскими площадками, второй побольше и подичее, уходящий за границу города.

Из лесов в город приходят кабаны: целыми стадами, случается, фланируют по центральной улице Бривибас (правда, на крайнем ее отрезке) и жуют траву на газонах, не обращая внимания ни на проезжающие мимо трамваи, ни на снимающих лесное зверье на телефоны горожан. Все та же Рижская дума создает спецкомиссию для отпора хрюкающему агрессору. Новостные порталы время от времени пополняются сообщениями: «В районе Бикерниеки (там, где большой Бикерниецкий лес) городской автобус сбил лося».

Положительно сказался на рижской экологии и лютый кризис конца нулевых: машин меньше – воздух чище. Пока социологи и экономисты пьют сердечные средства, подсчитывая, насколько обезлюдела Латвия, экологи с удовлетворением констатируют низкое антропогенное воздействие на среду. В малонаселенной стране довольно много лесов – в чем может убедиться даже иностранец, ограничивающийся малым туристическим набором: столица и Юрмала. В конце концов, что такое та же Юрмала? По большей части – сосновый лес, в котором растут дачи и виллы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.